

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

ЖАН-КРИСТОФ ГРАНЖЕ

ИМПЕРИЯ ВОЛКОВ

ГРАНЖЕ САЖАЕТ ЧИТАТЕЛЯ В ЛАДЬЮ И ВЕЗЕТ ЧЕРЕЗ УГОЛЬНО-ЧЕРНЫЕ
ВОЛНЫ СВОЕГО ВНУТРЕННЕГО СТИКСА.

Les Echos

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

Жан-Кристоф Гранже Империя Волков

Серия «Звезды мирового детектива»

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=122861

Гранже Ж.-К. Империя Волков: Издательская Группа «Азбука-классика»; Санкт-Петербург; 2010

ISBN 978-5-389-03808-0

Оригинал: Jean_ChristopheGrange, "L'Empire des loups"

Перевод:

Елена Викторовна Клокова

Аннотация

Роман «Империя Волков» признанного «короля французского триллера» Жан-Кристофа Гранже, автора нашумевшего бестселлера «Пурпурные реки», был издан во Франции двухмиллионным тиражом и переведен на 20 языков, включая японский. В 2005 году на широкие экраны вышел снятый по роману одноименный фильм, с Жаном Рено и Арли Ховером в главных ролях.

Анна Геймз – счастливая женщина. Она молода, очень хороша собой, богата. У Анны любящий муж, Лоран Геймз, высокопоставленный чиновник Министерства внутренних дел, изысканный круг общения, так почему же ее мучат по ночам кошмары? С чем связаны провалы в памяти и неузнавание

лиц, особенно лица самого близкого ей человека – Лорана? Неужели она сходит с ума? Муж предлагает Анне согласиться на психиатрическое лечение, но душа ее протестует. И героиня начинает собственное расследование, открывающее ей страшные тайны.

Содержание

Часть I	5
1	5
2	11
3	22
4	31
5	40
6	48
Часть II	54
7	54
8	65
9	73
10	86
11	92
12	97
13	110
Часть III	113
14	113
15	128
16	133
17	139
18	141
Конец ознакомительного фрагмента.	143

Жан-Кристоф Гранже

Империя Волков

Присцилле посвящается

Часть I

1

– Красный.

Анна Геймз чувствовала растущее беспокойство.

Тест не представлял для нее никакой опасности, но мысль о том, что в эту минуту кто-то может что-то прочесть в ее мозгах, вселяла неосознанную, но глубокую тревогу.

– Синий.

Она лежала на оцинкованном столе, в центре погруженной в полумрак комнаты. Голова ее покоилась внутри белой трубы томографа. Прямо над ее лицом было укреплено зеркало, на которое проецировались маленькие квадратики. Анна должна была просто называть вслух цвета.

– Желтый.

Через капельницу в левую руку поступала разведенная в воде контрастная жидкость, позволявшая врачу фиксиро-

вать приливы крови к мозгу.

Один цвет сменял другой. Зеленый. Оранжевый. Розовый... Потом зеркало потухло.

Анна лежала неподвижно, вытянув руки вдоль тела, как в саркофаге. В нескольких метрах слева она различала размытый силуэт стеклянной кабины, где находились Эрик Акерманн и ее муж Лоран.

Анна представляла, как они отслеживают на экранах деятельность нейронов ее мозга, и чувствовала себя объектом слежки. Как будто грабители влезли ей в башку и вот-вот изнасилуют.

В наушнике раздался голос Акерманна:

– Очень хорошо, Анна. Теперь квадратики оживут. Ты должна будешь просто описывать их движения, используя в каждом случае всего одно слово: вправо, влево, вверх, вниз...

Геометрические фигуры тут же ожили, складываясь в изящную текучую разноцветную мозаику, похожую на аквариум с крошечными рыбками. Анна сказала в микрофон:

– Вправо.

Квадратики сместились к верхней границе рамки.

– Вверх.

Так продолжалось несколько минут. Анна произносила слова медленно и монотонно, пребывая во власти оцепенения.

Жар, исходивший от зеркала, еще больше притуплял чув-

ства.

Скоро она соскользнет в сон.

– Так, замечательно. – Голос Акерманна в наушнике вернул Анну к реальности. – Теперь я прокручу тебе историю, рассказанную на разные лады. Слушай каждую интерпретацию очень внимательно.

– Что я должна говорить?

– Ничего! Ни слова. Просто слушай.

Через несколько секунд зазвучал женский голос. Текст произносился на иностранном языке, судя по звучанию – восточном.

Короткая пауза. И снова та же история, теперь – по-французски, но без соблюдения каких бы то ни было правил: глаголы употреблены в неопределенной форме, артикли не согласованы...

Анна попыталась разобраться в этом нелепо-нескладном языке, но зазвучала следующая версия. Какие-то дикие, бессмысленные слова вплетались во фразы... Что все это значит?

Внезапная тишина почти оглушила Анну, еще глубже вдавив ее во тьму тесной трубы томографа.

И снова Акерманн:

– Следующий тест... Ты слышишь название страны и сразу же называешь столицу.

Анна хотела ответить, что поняла, но в наушнике уже звучало первое название:

– Швеция.

Она мгновенно ответила:

– Стокгольм.

– Венесуэла.

– Каракас.

– Новая Зеландия.

– Окленд. Нет: Веллингтон.

– Сенегал.

– Дакар.

Названия городов всплывали в памяти автоматически, но Анна была довольна своими результатами: значит, ее память не совсем утрачена. Но что видят на экранах Акерманн и Лоран? Какие зоны ее мозга активируются?

– Последний тест, – объявил невропатолог. – Перед тобой появляются лица людей, и ты их называешь по именам – громко и максимально быстро.

Она где-то читала, что самый простой знак – слово, жест, визуальная деталь – может стать спусковым механизмом фобии, тем, что психиатры называют *тревожным сигналом*. В ее случае таким «звоночком» стало слово «лицо». Анна задышалась, в желудке начались спазмы, руки-ноги одеревенели, в горле саднило...

На зеркале возник черно-белый портрет женщины. Белокурые локоны, надутые губки, родинка на верхней губе. Это легко:

– Мэрилин Монро.

Фотографию сменила гравюра. Угрюмый взгляд, квадратная челюсть, волнистые волосы:

– Бетховен.

Круглое, гладкое, как бонбоньерка, лицо, узкие, в лучиках морщин, глаза:

– Мао Цзэдун.

Анна удивлялась легкости узнавания. Новые лица: Майкл Джексон, Джоконда, Альберт Эйнштейн... Она словно смотрела на проблески «волшебного» фонаря. И отвечала уверенно, без задержки. Волнение отступало.

Но внезапно произошел сбой: мужчина лет сорока, молодой, глаза навывкате. Белокурые волосы и светлые брови подчеркивали юношески застенчивое выражение лица.

Страх электрической волной прокатился по телу, причиняя ей почти физическую боль. Лицо на портрете было чем-то знакомо, но никакое имя, никакое четкое воспоминание с ним не связывалось. Ее память превратилась в черный туннель. Где она видела это лицо? Он актер? Или певец? Или просто случайный встречный? На зеркале появилась фотография человека в круглых очках, теперь в полный рост. Анна произнесла пересохшими губами:

– Джон Леннон.

Леннона сменил Че Гевара, но Анна произнесла:

– Эрик, подожди!

Калейдоскоп продолжал крутиться. Сверкнул кислотно-яркими красками автопортрет Ван Гога. Анна схватилась

за микрофон:

– Прошу тебя, Эрик!

Изображение застыло. Анна ощущала, что свет и тепло, исходящие от зеркала-экрана, отражаются от ее кожи. Выдержав паузу, Акерманн спросил:

– Что такое?

– Человек, которого я не узнала, кто он?

Врач не ответил. На зеркальной поверхности заблестели разноцветные глаза Дэвида Боуи. Анна приподнялась и произнесла чуть громче:

– Эрик, я задала тебе вопрос: кто это был?

Экран погас. Глаза мгновенно привыкли к темноте. Анна поймала в стекле потухшего прямоугольника свое отражение: бледная как смерть, осунувшаяся. Лицо покойницы.

Акерманн наконец ответил:

– Это был Лоран, Анна. Лоран Геймз, твой муж.

– Когда начались эти провалы в памяти?

Анна не ответила. Было около полудня: ее тестировали все утро. Рентген, сканирование, ЯМР¹ и, наконец, исследование в трубе томографа... Она чувствовала себя опустошенной, обессиленной, потерянной. И вид этого кабинета не улучшал ее самоощущения: узкая, без окон, комната, слишком ярко освещенная; повсюду на стальных стеллажах и навалом на полу – папки, заведенные на пациентов. На стенах – гравюры, изображающие обнаженный мозг и бритые головы, разрисованные пунктирными линиями и напоминающие схему разделки мясных туш. Все, что ей сейчас было бы нужно, это...

Голос Эрика Акерманна прервал размышления Анны:

– Так сколько времени это продолжается?

– Больше месяца.

– Уточни, пожалуйста, ты помнишь, когда это случилось впервые?

Конечно, она помнила: как бы она могла забыть такое?

– Четвертого февраля. Утром. Я выходила из ванной. И столкнулась в коридоре с Лораном. Он собирался на работу. Улыбнулся мне. Я едва не подпрыгнула от изумления – не знала, кто этот человек!

---

¹ Ядерно-магнитный резонанс. (Здесь и далее прим. перев.)

– Ты его совершенно не узнала?

– В первую секунду – нет. Потом все встало на свои места, в голове прояснилось.

– Опиши мне точно, что ты почувствовала в то мгновение.

Анна едва заметно повела плечами, прикрытыми шарфом в черных и золотисто-коричневых тонах.

– Ощущение было странное, неуловимое. Как «*дежа вю*». Сбой длился всего мгновение, – Анна щелкнула пальцами, – а потом все наладилось.

– Что ты подумала в тот момент?

– Отнесла все на счет усталости.

Акерманн что-то записал в блокнот и задал следующий вопрос:

– Тем утром ты рассказала о случившемся Лорану?

– Нет. Я не придавала этому значения.

– Когда произошел второй сбой?

– Неделью спустя. Потом они стали повторяться.

– И всегда были связаны с Лораном?

– Да.

– Но ты каждый раз все-таки узнавала его?

– Да. Но постепенно этот сбой... Не знаю, как объяснить... Пожалуй, он длился все дольше.

– И тогда ты поговорила с Лораном?

– Нет.

– Почему?

Анна скрестила ноги, положила руки на колени, обтяну-

тые темным шелком юбки, — они напоминали сейчас двух птиц с бледным оперением.

— Мне показалось, это только осложнит ситуацию. И потом...

Невропатолог поднял на нее глаза. Золото рыжих волос отразилось в стеклах очков.

— Да?

— Нелегко признаться в подобном мужу. Он...

Анна спиной чувствовала присутствие мужа — он стоял за ее стулом, прислонившись к металлическому стеллажу.

— Лоран становился для меня чужим.

Врач, почувствовав смятение Анны, предпочел сменить тему:

— С другими людьми проблема узнавания возникает?

— Иногда... — Анна колебалась. — Но очень редко.

— С кем, например?

— С торговцами в квартале. И на работе. Я не узнаю некоторых клиентов, причем постоянных.

— А друзей?

Анна сделала рукой неопределенный жест.

— У меня нет друзей...

— Как обстоит дело с членами семьи?

— Мои родители умерли. Остались только дяди и двоюродные братья где-то на юго-западе страны. Мы не видимся.

Акерманн сделал еще несколько пометок в блокноте. Его лицо, застывшее, как резиновая маска, не выдавало никаких

эмоций.

Анна терпеть не могла этого типа: близкий друг семьи Лорана, он иногда ужинал в их доме, но в любых обстоятельствах хранил ледяную невозмутимость. Конечно, если никто не затрагивал его излюбленной темы – работы мозга и системы когнитивного общения человека. Тогда все мгновенно менялось: он возбуждался, воспалялся, размахивал длинными ручищами в рыжих волосах.

– Итак: главная проблема – лицо Лорана? – Акерманн возобновил допрос.

– Да. Он самый близкий мне человек. Именно его я вижу чаще всех остальных.

– У тебя есть другие проблемы с памятью?

Анна прикусила нижнюю губу. Задумалась, сомневаясь. Наконец ответила:

– Нет.

– С ориентацией в пространстве?

– Нет.

– С речью?

– Нет.

– С какими-нибудь движениями?

Анна не ответила и, слабо улыбнувшись, спросила:

– Ты предполагаешь болезнь Альцгеймера?

– Я проверяю, только и всего.

Именно этот синдром первым пришел Анне на ум, и она все прочла о нем в медицинских справочниках: *неузнавание*

лиц — один из симптомов болезни.

Акерманн добавил примирительно-успокаивающим тоном — так урезонируют расшалившихся детей:

— Только не в твоём возрасте. Кроме того, первые же тесты выявили бы болезнь Альцгеймера. Мозг, затронутый нейродеградацией, имеет совершенно особую морфологию. Надеюсь, ты понимаешь, что я просто обязан задать тебе все эти вопросы, чтобы поставить точный диагноз?

Не дожидаясь ответа Анны, он повторил:

— Так ты испытываешь затруднения с какого-либо рода движениями?

— Нет.

— Бессонница?

— Нет.

— Внезапное немотивированное оцепенение?

— Нет.

— Мигрени?

— Никогда.

Врач закрыл блокнот, встал из-за стола, и Анна — в который уже раз — почувствовала изумление: при росте в метр девяносто Эрик Акерманн весил не больше шестидесяти килограммов и выглядел верзилой-переростком, которого одели в белый халат, чтобы он высушил его после стирки.

Доктор был вызывающе, обжигающе рыжим. Его кудрявая плохо постриженная шевелюра сияла медово-золотым цветом, вся кожа — даже на веках — была усеяна охряными вес-

нушками. Лицо состояло из сплошных углов, а дополняли картину узенькие очочки в металлической оправе.

Акерманн был старше Лорана – ему уже исполнилось пятьдесят, но физическая конституция словно защищала его от воздействия времени. Морщины ничуть не портили орлиный профиль, черты лица оставались точеными и загадочными. И только оспинки на щеках напоминали, что доктор – человек из плоти и крови и что у него тоже есть прошлое.

Врач молча прошелся по своему тесному кабинету. Время для Анны тянулось невыносимо медленно, секунды казались вечностью. Наконец она не выдержала:

– Да что со мной такое, черт возьми?

Невропатолог погрел в кармане каким-то металлическим предметом, скорее всего – ключами, но выглядело это так, словно колокольчик председательствующего дал слово очередному оратору, и Акерманн заговорил:

– Позволь, я сначала объясню тебе суть теста, который мы только что с тобой провели.

– Самое время.

– Машина, которую мы использовали, это позитронная камера. Специалисты называют ее «*Petscan*». Она действует как позитронный томограф и позволяет наблюдать за зонами активности мозга в режиме реального времени, выявляя тромбоз. Я хотел провести общий осмотр твоего мозга. Проверить, как функционируют хорошо знакомые нам зоны. Зрение. Речь. Память.

Анна вспомнила калейдоскоп из цветных квадратов, историю, рассказанную ей на разные лады, названия столищ... Она прекрасно понимала назначение каждого из тестов, но Акерманна понесло:

– Возьмем, к примеру, речь. Все происходит в лобной доле, на участке, разделенном на подсистемы, отвечающие за слух, за лексический состав речи, за синтаксис, за смысл, за просодию... – Он постучал пальцем по своему лбу. – Именно объединенная работа этих зон помогает нам понимать и использовать речь. Я разработал собственную систему тестов, и они позволили мне локализовать все эти системы в твоём мозгу.

Акерманн так и не перестал мотаться туда-сюда по тесному кабинету, и Анна, поднимая глаза, видела только фрагменты настенных гравюр. Внезапно ее внимание привлек странный рисунок: ярко раскрашенная обезьяна с большим ртом и гигантскими руками.

От ламп дневного света исходил жар, но страх ударил Анну в позвоночник ледяным кулаком.

– Ну и?.. – выдохнула она.

Акерманн развел руками, успокаивая ее.

– И все нормально! Речь. Зрение. Память. Каждая сфера включается, как ей положено.

– За исключением того момента, когда мне показали портрет Лорана.

Акерманн наклонился к столу, повернул к Анне экран

своего компьютера, и она увидела разбитое на участки изображение собственного мозга. Вид сбоку был люминесцентно-зеленого цвета, внутренняя часть зияла абсолютной чернотой.

– Твой мозг отреагировал на фотографию Лорана полным отсутствием реакции. Никакого сцепления. Прямая линия.

– Что это значит?

Невропатолог снова встал, сунул руки в карманы халата, приняв театральную позу: настал великий миг вынесения приговора.

– Думаю, в работе твоего мозга имеются нарушения.

– Нарушения?

– Затронута зона «узнавания лиц».

Анна была потрясена.

– А что, разве существует зона... лиц?

– Да. За эту функцию отвечает нейронный узел, расположенный в правом полушарии, за височной долей. Он был открыт в пятидесятых годах. Люди, у которых пострадал этот участок, перестают узнавать лица. За последние годы, благодаря появлению позитронного томографа, мы локализовали его со стопроцентной точностью. Теперь нам доподлинно известно, что у «физиономистов» – охранников в казино и ночных клубах – он развит особенно сильно.

– Да, но я-то ведь узнаю большинство лиц, – запротестовала Анна. – Во время теста я «опознала» всех...

– Всех – кроме мужа. Согласись, это серьезная проблема.

Соединив указательные пальцы, Акерманн прижал их к губам. Этот жест в его исполнении означал глубокую задумчивость. Оттаивая, этот человек становился напыщенным.

– Мы наделены двумя типами памяти. Существуют знания, которые мы приобретаем в школе. Другим вещам мы учимся в течение всей нашей жизни – личной, частной. В мозгу человека они идут разными путями. Я полагаю, что у тебя нарушена связь между мгновенным опознаванием лиц и процессом их сравнения с личными воспоминаниями. Что-то мешает работе этого механизма. Ты способна узнать Эйнштейна, но не Лорана, который относится к сфере твоего «персонального архива».

– Но... это лечится?

– Безусловно. Мы просто переместим эту функцию в здоровую зону твоего мозга. Таково одно из преимуществ этого органа человеческого организма: он пластичен, вернее – гибок. Тебе понадобится «переобучение» – своего рода умственная тренировка, регулярные занятия плюс медикаментозная терапия.

Серьезность тона опровергала хорошие новости.

– Так в чем же проблема? – спросила Анна.

– В объяснении первопричины нарушения. Признаюсь – я в затруднении. Нет ни следа опухоли, ни неврологических нарушений. Ты не перенесла ни механической травмы, ни инсульта, что могло бы перекрыть доступ к крови к этой зоне мозга. – Акерманн поцокал языком. – Необходимо сделать

новые анализы, более сложные, и попытаться уточнить диагноз.

– Какие анализы?

Врач сел за стол, бесстрастно взглянул на Анну.

– Биопсию. Необходимо взять микроскопическую пробу мозговой ткани.

Анне понадобилось несколько секунд, чтобы осознать сказанное, потом ужас жаром кинулся в лицо. Она повернулась к Лорану и увидела, что муж согласно кивает. Страх уступил место гневу: все ясно, они сговорились! Ее участь наверняка решила еще утром.

Слова сорвались с дрожащих губ:

– Об этом не может быть и речи.

Впервые за все время врач улыбнулся. Он, видимо, желал успокоить Анну, но не преуспел – ему не хватало искренности.

– Ты не должна к этому *так* относиться! Мы возьмем пробу зондом, который...

– Никто не прикаснется к моему мозгу.

Анна встала, закуталась в шарф, напоминавший крылья ворона, окаймленные золотом. В разговор вступил Лоран:

– Не стоит нервничать, Анна. Эрик заверил меня, что...

– Ты на его стороне?

– Мы все на *твоей* стороне, – торжественно произнес Акерманн.

Она чуть отступила назад, чтобы яснее видеть двоих ли-

цемеров.

– Я никому не позволю ковыряться у меня в мозгу, – повторила она окрепшим голосом. – Я уж лучше совсем потеряю память или сдохну от своей болезни. Ноги моей здесь больше не будет.

И она закричала, охваченная внезапной паникой:

– Никогда, слышите?!

Она выбежала в пустой коридор, скатилась вниз по лестницам и замерла у выхода. Холодный ветер разгонял кровь по венам. Солнце заливало двор. Анна вдруг подумала, что это напоминает ей ясный летний день, но без жары и зелени деревьев, словно его заморозили для лучшей сохранности. Их шофер Николя заметил Анну и вышел из машины, чтобы открыть ей дверцу. Анна отрицательно покачала головой. Дрожащей рукой достала из сумки сигареты, закурила, наслаждаясь терпким вкусом дыма.

Институт Анри-Бекереля размещался в нескольких пятиэтажных корпусах, расположенных по периметру вокруг внутреннего дворика, засаженного деревьями и тщательно подстриженными кустами. На тусклых – серых и розовых – фасадах висели грозные предупреждения: **ВХОД ТОЛЬКО ПО ПРОПУСКАМ; ТОЛЬКО ДЛЯ МЕДПЕРСОНАЛА; ВНИМАНИЕ: ОПАСНОСТЬ!** Все в этой треклятой больнице казалось Анне враждебным.

Она сделала еще несколько глубоких затяжек, и вкус дыма успокоил ее, словно вместе с табаком в этом крошечном костерке сгорела ее ярость. Анна прикрыла глаза, погружаясь в дурманящий аромат.

Шаги за спиной.

Лоран прошел мимо, не глядя на нее, пересек двор, от-

крыл заднюю дверь машины. Он ждал ее с перекосившимся лицом, нетерпеливо покачиваясь с носка на каблук идеально начищенных мокасин. Анна щелчком отбросила окурок «Мальборо» и присоединилась к мужу. Она скользнула на кожаное сиденье, Лоран обогнул машину, все так же не говоря ни слова, сел рядом, и шофер, плавно тронувшись с места, как космический челнок, повел машину вниз со стоянки.

Перед красно-белым шлагбаумом на входе стояли вооруженные солдаты.

– Я должен забрать паспорт, – напомнил Лоран.

Анна посмотрела на свои руки: они все еще дрожали. Она достала из сумки пудреницу и взглянула в овальное зеркало. Она была почти готова увидеть отметины на коже, потому что ее внутреннее, душевное, смятение силой и жестокостью напоминало удар кулаком в лицо. Но нет – кожа оставалась гладкой, была белее снега, черные волосы подстрижены коротко, *à la* Клеопатра. Анна медленно, с ленивой кошачьей грацией опустила завесу тяжелых век над темно-синими, удлиненными к вискам глазами.

Лоран возвращался к машине, сгибаясь под порывами ветра. Воротник его черного пальто был поднят. Внезапно Анна ощутила горячую волну желания. Она вгляделась: светлые выющиеся волосы, яркие глаза, морщинка страдания на лбу... Лоран нервно одернул пальто – он был сейчас похож на боязливо-застенчивого мальчугана, что никак не вязалось с высоким положением всесильного чиновника. Вот

так же внутренняя, глубинная неуверенность Лорана в себе внезапно проявлялась в бытовых мелочах, когда он, заказывая коктейль, принимался, суетливо размахивая руками, объяснять, что именно и сколько следует налить в его стакан, или зажимал ладони между коленями и поднимал плечи, показывая, что он замерз или испытывает дискомфорт. Именно эта хрупкость и очаровала Анну – срывы и слабости Лорана так сильно контрастировали с реальной властью, которой он обладал. Но что еще она в нем любила? Что именно она может вспомнить?

Лоран наконец устроился на сиденье рядом с ней. Шлагбаум медленно поехал вверх. Лоран дружески махнул рукой вооруженным охранникам, вызвав мгновенное раздражение Анны. Желание близости с мужем растаяло. Она спросила – жестко, почти грубо:

– Зачем здесь все эти легавые?

– Военные, – поправил ее Лоран. – Эти люди – военные.

Они влились в общий поток машин. Площадь Генерала Леклерка в Орсэ была крошечной и тщательно ухоженной. Церковь, мэрия, цветочный магазин...

– Ты не ответил на мой вопрос, – настаивала Анна.

Лоран бросил небрежным тоном:

– Это из-за Кислорода-15.

– Из-за чего?

Он не смотрел в ее сторону, барабанил пальцами по стеклу.

– Кислород-15. Маркер, контрастное вещество, которое

тебе ввели для обследования. Это радиоактивное вещество.

– Замечательно.

Лоран наконец повернулся к ней: он явно пытался успокоить ее, но глаза выдавали раздражение.

– Это не опасно.

– Ну да, конечно, потому-то и нагнали всю эту солдатню!

– Не будь идиоткой. Во Франции любая операция, подразумевающая использование радиоактивного материала, проводится под контролем Комиссариата по ядерной энергетике. А где Комиссариат – там военные, этим все сказано. Эрик просто обязан сотрудничать с армией.

Анна хмыкнула. Лоран напрягся.

– В чем дело?

– Да ни в чем. Просто... ты нашел ту самую – единственную – клинику в Иль-де-Франс, где людей в военной фирме больше, чем врачей в белых халатах.

Пожав плечами, Лоран отвернулся к окну. Машина уже выехала на шоссе, ведущее в глубь Бьеврской долины. Мимо мелькали красно-коричневые стволы деревьев, бесконечной лентой змеились спуски и подъемы.

Небо снова нахмурилось, вдали, у линии горизонта, сквозь низкие дымы облаков едва пробивался белый свет. Казалось, солнце вот-вот одержит победу и зальет окрестности красным огнем.

Минут пятнадцать они ехали молча, потом Лоран снова обратился к ней:

– Ты должна довериться Эрику.
– Никто не будет ковыряться у меня в мозгах!
– Эрик знает, что делает. Он один из лучших невропатологов Европы...

– И твой друг детства. Ты мне тысячу раз это говорил.
– Наблюдаться у него – невероятная удача. Ты...
– Я не буду подопытной крысой.
– Его крысой? – Лоран повторил, нарочито растягивая слова на слоги. – Е-го-кры-сой?! Да о чем ты, черт возьми?
– Акерманн за мной наблюдает. Все очень просто – его интересует моя болезнь, не я сама. Этот тип исследователь, а не врач.

Лоран вздохнул.

– Ты бредишь. Нет, правда, ты...
– Чокнутая? – Ее горький смешок прозвучал как удар, словно где-то захлопнулась железная дверь. – Это уже не новость.

Ее мрачный юмор еще сильнее разъярил мужа.

– И что же? Будешь просто сидеть и ждать, сдавшись на милость болезни?

– Никто ведь не сказал, что болезнь будет прогрессировать.

Лоран поерзал на сиденье.

– Это правда. Прости. Несу сам не знаю что.

В салоне снова воцарилось молчание.

Пейзаж за окном все больше напоминал букет пламене-

ющих осенних листьев, усыпанных каплями росы. Красно-ватых, скукоженных, укутанных серым туманом. Лес за окном машины пытался дотянуться до горизонта, напоминая то окровавленные когти хищного зверя, то чеканную резьбу, то черные кружевные узоры...

Они ехали мимо деревень с простыми колокольнями церквей, потом в дрожащем утреннем свете возникла нетронуто-белая водонапорная башня. Трудно было поверить, что до Парижа осталось всего несколько километров.

Лоран предпринял последнюю отчаянную попытку:

– Пообещай хотя бы сделать новые анализы. Забудем о биопсии. Это займет всего несколько дней.

– Посмотрим.

– Я буду с тобой. Мы с тобой, понимаешь?

Это его «мы» не понравилось Анне: Лоран по-прежнему связывал ее выздоровление с Акерманном, а ее воспринимал уже не как жену, но как *пациентку*.

Внезапно, на вершине Медонского холма, их глазам открылся залитый светом Париж во всем его великолепии. Бесконечные белые крыши домов блестели, как замерзшее озеро, ошетилившееся хрустальными выступами, морозными гранями, мохнатыми комками снега, а дома в районе Дефанс напоминали огромные айсберги. Город плыл навстречу солнцу, впитывая свет и живительное тепло.

Лоран и Анна погрузились в потрясенное молчание: не сказав друг другу ни слова, они проехали Севрский мост и

Булонь-Бийанкур.

На подъезде к воротам Сен-Клу Лоран спросил:

– Отвезти тебя домой?

– Нет. На работу.

– Ты обещала, что отдохнешь сегодня.

В его голосе прозвучал упрек.

– Я думала, что устану сильнее, – солгала Анна. – Не хочу бросать Клотильду на съедение. В субботу в магазине всегда нашествие.

– Клотильда, магазин... – передразнил он ее с сарказмом в голосе.

– Что ты хочешь сказать?

– Эта работа... она... Она тебя недостойна.

– То есть тебя!

Лоран ничего не ответил. Возможно, он даже не услышал этой ее последней фразы. Вытянув шею, он пытался разглядеть, что делается впереди: движение застопорилось на кольцевом бульваре.

Нетерпеливым тоном Лоран приказал водителю «вытаскивать их отсюда!». Николя, правильно оценив ситуацию, достал из бардачка мигалку и мгновенно пристроил ее на крыше. «Пежо-607», зайдясь воплем сирены, выехала на осевую и рванулась вперед. Николя жал на педаль газа, а Лоран, вцепившись в спинку переднего сиденья, упивался любым поворотом руля, каждым ловким маневром. Он напоминал сейчас ребенка, увлеченного видеоигрой. Анна все-

гда изумлялась тому факту, что Лоран, несмотря на все свои дипломы и высокий пост директора Центра исследований и научного анализа Министерства внутренних дел, не забыл кайфа «уличной» работы, не освободился от ее власти. «Несчастный легавый», – подумала она.

У ворот Майо они направились в сторону авеню Терн, и Николя наконец-то выключил сирену. Анна въезжала в свой привычный мир. Улица Фобур-Сент-Оноре, сияющая огнем витрин, зал Плейель – в огромных окнах второго этажа двигались, тянулись вверх тонкие силуэты танцовщиц; своды потолка из красного дерева в магазинчике «Братья Марьяж», где она всегда покупала любимые редкие сорта чая.

Прежде чем открыть дверцу машины, Анна решила закончить разговор, прерванный включением сирены:

– Ты ведь знаешь, это не просто работа. Для меня это способ общения с внешним миром, возможность не застрять навечно в нашей квартире.

Она вышла из машины, наклонилась к окну.

– Магазин или дурдом, альтернатива проста, понимаешь?

Они обменялись прощальным мимолетным взглядом, и привычная близость вернулась – за один взмах ресниц. Анна никогда не назвала бы их отношения «любовью». Они были сообщниками, подельниками – по эту сторону желания, страстей и колебаний, навязываемых человеку течением дней и настроений. Они понимали друг друга без слов...

Внезапно к ней вернулась надежда. Лоран ей поможет, он

будет ее любить, она не лишится его поддержки. Тень станет солнечным янтарем. Лоран спросил:

– Заехать за тобой вечером?

Она кивнула, соглашаясь, послала ему воздушный поцелуй и направилась к «Дому Шоколада».

Дверной колокольчик звякнул, словно она была обычной покупательницей. Привычный, обыденный звук внезапно успокоил Анну. Месяц назад, увидев объявление в витрине, она пришла сюда наниматься на работу – просто так, из скуки, надеясь отвлечься от мучивших ее наваждений. Но все получилось даже лучше.

Она нашла здесь убежище.

Магический круг, отгоняющий ее страхи и тоску.

Два часа дня. В магазинчике пусто. Клотильда наверняка воспользовалась затишьем, чтобы отправиться на склад или в подсобку.

Анна прошла через зал. Лавочка, декорированная в коричневых и золотых тонах, напоминала коробку шоколадных конфет. Помещавшийся в центре главный прилавок походил на расположившийся в яме оркестр: классический черный и молочный шоколад, конфеты всех форм и размеров... Слева, у мраморного кассового прилавка, была выложена продукция «экстра-класса» – такое позволяешь себе в качестве маленького каприза, когда расплачиваешься за покупки, в последний момент. Справа – мармелад, карамель, нуга, а наверху, на полках, – прозрачные пакетики с леденцами и прочими прелестями.

Анна заметила, что Клотильда закончила оформлять пас-

хальную витрину. В плетеных корзиночках обретались яйца и курочки всех размеров, за шоколадными домиками с карамельными крышами наблюдали марципановые свинки, под бумажным небом раскачивались на качелях котята и цыплята.

– Ты здесь? Это просто блеск! Товар уже привезли.

Клотильда появилась из старинного ручного грузового лифта, позволявшего поднимать ящики в магазин прямо со стоянки у сквера Дю-Руль. Она прыгнула с платформы, перешагнула через гору коробок и подошла к Анне, весело отдуваясь.

За несколько недель Клотильда превратилась для нее в спасительный якорь. Двадцать восемь лет, маленький розовый носик, вечно падающие на глаза пряди пушистых русых волос. У нее было двое детей, муж «в банке», дом, купленный в рассрочку, и раз и навсегда определенное будущее. Она жила в ясном осознании счастья, чем совершенно выбивала Анну из колеи. Существование рядом с этой молодой женщиной раздражало и успокаивало одновременно. Анна ни на секунду не могла поверить в ее идеальный мирок без сбоев и неприятных сюрпризов. В таком подходе к жизни было нечто нарочитое, заведомо ложное. В любом случае для Анны подобный мираж был недоступен: в тридцать один год у нее не было детей и она всегда жила, ощущая неловкость, неуверенность, даже страх перед будущим.

– Сегодня здесь просто кошмар какой-то. Я еще ни разу

не присела.

Клотильда схватила коробку и направилась в глубь магазина, в подсобку. Анна накинула шарф и пошла следом. По субботам у них всегда была толпа, так что следовало использовать каждую свободную минуту для раскладки конфет.

Они вошли в подсобку, десятиметровую комнату без окон, заваленную упаковочными коробками и оберточной бумагой.

Клотильда поставила на стеллаж ящик, сдула с лица волосы, выдвинув вперед нижнюю губу.

– Я даже не спросила, как у тебя прошло?

– Они все утро проводили исследования. Врач сказал, что у меня в мозгу есть поражение.

– Поражение?

– Мертвая зона. Участок, отвечающий за узнавание лиц.

– Вот черт... Это лечится?

Анна поставила на стол коробки и машинально повторила слова Акерманна:

– Да, я должна буду пройти лечение. Тренировать память и принимать лекарства, чтобы переместить эту функцию в другой отдел мозга. В здоровую часть.

– Гениально!

Клотильда продемонстрировала широченную улыбку, как будто Анна только что сообщила ей новость о полном выздоровлении. Ее ответные реплики редко соответствовали контексту разговора, выдавая полное равнодушие к собеседни-

ку. В действительности чужие беды были Клотильде абсолютно безразличны. Грусть, тоска, неуверенность и неопределенность скользили по поверхности ее сознания, как капли масла по клеенке, но теперь она как будто почувствовала свою оплошность.

Звонок колокольчика разрядил неловкость.

– Я посмотрю, – сказала она, поворачиваясь на каблучках, – садись, сейчас вернусь.

Раздвинув коробки, Анна устроилась на табурете и начала раскладывать на подносе кофейное суфле «Ромео». В комнате витал навязчивый аромат шоколада. В конце дня одежда и даже пот пропитывались этим запахом, слюна во рту становилась сладкой. Говорят, официанты в барах пьянеют от паров алкоголя. Интересно, продавцы шоколада толстеют от соседства со сладостями?

Анна не поправилась ни на грамм. Впрочем, она *никогда* не поправлялась. Ела, но пища ее как будто сторонилась: глюкоиды, липиды и вся прочая минерально-витаминная дребедень проскакивала через организм, не зацепляясь.

Она раскладывала шоколадки, думая о словах Акермана. Поражение. Болезнь. Биопсия. Нет, она никогда не позволит кромсать себя. И уж тем более этому холодному типу со взглядом насекомого.

Кстати, она не верила в его диагноз.

Не могла поверить.

По той простой причине, что не сказала ему и трети прав-

ды.

Начиная с февраля приступы случались гораздо чаще. Они могли происходить в любое время и при любых обстоятельствах. На ужине с друзьями, у парикмахера, в магазине. Внезапно, в привычной обстановке, Анна оказывалась в окружении людей, чьи лица были ей незнакомы, чьих имен она не знала.

Изменилась сама природа болезни.

Теперь у нее бывали не только провалы в памяти, но и чудовищные галлюцинации. Лица начинали расплываться, дрожали и менялись, как в фильмах ужасов.

Иногда ей в голову приходило сравнение с гаданием на горячем воске: порой лица плавились, корчили ей дьявольские гримасы.

Рты перекашивались, исторгая то ли крик, то ли смех, то ли предлагая поцелуй... Это был кошмар.

По улицам Анна ходила опустив глаза. На приемах и ратах разговаривала, не глядя в лицо собеседнику. Она превращалась в напуганное, дрожащее, готовое в любой момент убежать существо. «Другие» стали для нее зеркалом ужаса, отражавшим ее собственное безумие.

Не описала она в точности и своих ощущений в отношении Лорана. После приступа ее «неузнавание», неуверенность не проходили окончательно, всегда оставалось послевкусие страха, как будто чей-то голос нашептывал ей: «Это он, но это и не он».

Почему-то в глубине души ей казалось, что черты лица Лорана изменились, вернее – были изменены в результате пластической операции.

Абсурд.

У этого наваждения имелась еще одна, совсем уж бредовая составляющая. Муж казался ей незнакомцем, а лицо одного клиента их магазина вызывало невыносимое по остроте чувство узнавания. Она была уверена, что где-то его видела... Она не могла бы сказать ни где, ни когда, но ее память в присутствии этого человека включалась, как от удара электрического тока, но ни разу пробежавшая искра не вызвала в памяти четкой картинки.

Человек приходил раз или два раза в неделю и всегда покупал одни и те же шоколадки – «*Jikola*». Подушечки с миндальной пастой, очень похожие на восточные сладости. Говорил он, кстати, с легким акцентом – возможно, арабским.

Лет сорока, одет всегда одинаково, в джинсы и наглухо застегнутую бархатную куртку *à la* «вечный студент». Анна и Клотильда прозвали его Господин Бархатный.

Каждый день они ждали его прихода. Эта загадка, как захватывающий триллер, оживляла часы, проводимые в магазине. Часто они строили разные гипотезы. Человек был другом детства Анны. Или бывшим возлюбленным. А может, просто бабником, перекинувшимся с ней парой-тройкой слов на коктейле...

Теперь Анна знала, что истина куда проще. Отзвук, вос-

поминание, возникающее в ее мозгу, – всего лишь галлюцинация, вызванная болезнью. Она не должна заикливаться на том, что видит и чувствует, глядя на лица, потому что лишилась четко работающей системы распознавания.

Дверь в заднюю часть магазина распахнулась. Анна вздрогнула – она внезапно поняла, что шоколадки тают у нее в руке.

На пороге появилась Клотильда. Сдвиг непослушные пряди с лица, она шепнула:

– Он здесь.

Господин Бархатный уже стоял у прилавка с шоколадом «*Jikola*».

– Добрый день, – заторопилась Анна. – Что я могу вам предложить?

– Двести граммов, как обычно.

Анна скользнула за прилавок, схватила щипцы, прозрачный пакетик и начала укладывать туда конфеты, глядя на покупателя из-за завесы опущенных ресниц. Сначала она увидела грубые ботинки из выворотки, слишком длинные, собирающиеся гармошкой брюки и, наконец, бархатную куртку шафранового цвета, поношенную, с оранжевыми залысинами.

Потом она решилась посмотреть ему в лицо.

Оно было грубым, почти квадратным, обрамленным жесткими русыми волосами. Лицо скорее крестьянина, чем изне-

женного студента. Нахмуренные брови выражали недовольство, возможно даже – с трудом сдерживаемый гнев.

И все-таки Анна заметила и длинные ресницы, и черные зрачки в золотом ободке – они напоминали шмеля, летающего над клумбой темных фиалок. Где она видела этот взгляд?

Анна положила пакетик на весы.

– Прошу вас, одиннадцать евро.

Человек заплатил, взял свои шоколадки и пошел прочь. Секунду спустя он был уже на улице.

Против воли Анна прошла следом за ним до порога, Клотильда присоединилась к ней. Они смотрели, как их покупатель переходит улицу Фобур-Сент-Оноре и садится в черный лимузин с затемненными стеклами и иностранными номерами.

Они стояли в дверях, греясь в лучах солнца, как два кузнечика.

– Ну, и что? – спросила наконец Клотильда. – Кто он? Ты так и не вспомнила?

Машина исчезла, влившись в общий поток движения. Вместо ответа Анна прошептала:

– Есть сигарета?

Клотильда вытащила из кармана брюк мятую пачку «Мальборо-Лайтс». Анна сделала первую затяжку, и к ней вернулось чувство покоя, снизошедшее на душу утром во дворе больницы. Клотильда объявила с ноткой сомнения в голосе:

– Что-то не сходится в твоей истории.

Анна повернулась к ней, отставив в сторону локоть и нацелив в подругу горящую сигарету, как оружие.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Положим, что ты когда-то знала этого типа и что он изменился. Ладно.

– Ну, и?..

Клотильда изобразила губами хлопок пробки, вылетающей из бутылки:

– Но он-то почему тебя не узнает?

Анна смотрела на ленту машин, движущихся под хмурым небом. Чуть дальше по улице виднелся деревянный фасад магазина «Братья Марьяж», темные витражи ресторана «Подводное царство», сидел в своей коляске невозмутимый извозчик.

Слова Анны растворились в облаке синеватого дыма:

– Сумасшедшая. Я схожу с ума.

Раз в неделю Лоран встречался за ужином с одними и теми же «товарищами». Это был почти священный ритуал, устоявшаяся церемония. Собиравшиеся за столом люди не были ни друзьями детства, ни членами закрытого кружка. У них не было общего страстного увлечения – сотрапезники объединились по корпоративному принципу: все они работали в полиции. Жизнь сводила их в разное время и при разных обстоятельствах, но теперь каждый в своем деле добрался до самого верха иерархической лестницы.

Анне, как и остальным женам, вход на эти встречи был заказан: если ужин устраивал Лоран в их квартире на авеню Ош, ей следовало пойти в кино.

Но внезапно, три недели назад, муж предложил ей присоединиться в следующий раз к их компании. Сначала она отказалась – в том числе и потому, что муж добавил участливым тоном профессиональной сиделки:

– Увидишь, это тебя отвлечет!

Позже Анна передумала: во-первых, потому, что была от природы любопытна; кроме того, ей хотелось встретиться с коллегами Лорана, посмотреть, как выглядят другие высокие чины. В конце концов, до сего дня она видала единственный образчик – собственного мужа.

И Анна не пожалела о своем решении. На том ужине она

встретилась с людьми жесткими, но потрясающе интересными, их разговоры были откровенными – на грани фола. Среди них Анна почувствовала себя королевой, единственной женщиной на борту военного крейсера, перед которой все эти высокие полицейские чины распускали хвост, сыпали анекдотами, вспоминали «боевые подвиги», хвастались раскрытыми преступлениями.

После первого ужина Анна ходила на каждую встречу «товарищей по оружию» и научилась лучше понимать этих людей. Она подмечала их привычки, знала козыри всех и каждого, угадывала мании и наваждения. Общество, собравшееся за столом, больше всего напоминало коллективный снимок. Черно-белый мир, живущий по жестким законам непреложных истин, одновременно гротескный и завораживающий.

Присутствовали всегда одни и те же люди – за редким исключением. Чаще всего разговором за столом управлял Ален Лакру. Высокий, худой, прямой, как отвесная скала, экспансивный пятидесятилетний полицейский отмечал конец каждой фразы взмахом вилки или кивком головы. Даже переливы голоса со средиземноморским акцентом участвовали в окончательном оттачивании, доводке до совершенства его высказываний. Все в этом человеке пело, волновалось, улыбалось – никому на свете и в голову бы не пришло, чем он в действительности занимается: Ален Лакру был заместителем директора Департамента уголовной полиции Па-

рижа.

Пьер Карасилли был полной его противоположностью. Маленький, коренастый, смуглый, он вечно что-то неспешно рассказывал, и в голосе его присутствовала почти гипнотическая сила. Именно этот голос усыплял самых недоверчивых, добивался признания от закоренелых преступников. Карасилли был корсиканцем. Он занимал важный пост в Дирекции по территориальному надзору (ДТН).

Жан-Франсуа Годмар не был ни вертикальным, ни горизонтальным: он напоминал скалу – был собранным, упрямым. Высокий, с залысинами, лоб, черные глаза – в их глубине словно притаилась опасность, угроза. Анна всегда оживлялась, когда Годмар вступал в разговор. Речи его были циничны, истории – ужасны, но окружающие почему-то начинали испытывать странное чувство благодарности, словно он приоткрывал для них завесу над тайнами мироздания. Он был шефом ЦББНРН (Центрального бюро по борьбе с незаконным распространением наркотиков), главным по наркотикам во Франции.

Но Анна предпочитала всем Филиппа Шарлье – гиганта ростом под метр девяносто, в трещавших по швам дорожных костюмах. Коллеги прозвали его Зеленым Исполином. У него было лицо боксера – широкое, как валун, и усатое, в темных волосах блестяла обильная седина. Он всегда говорил слишком громко, его смех звучал как тарахтение двигателя внутреннего сгорания, он насильно вовлекал, затягивал

собеседника в свои смешные, но и странные истории, удерживая его в разговоре за плечо.

Тому, кто хотел общаться с Шарлье, следовало для начала овладеть его затейливо-похотливым лексиконом. Вместо «эрекция» он говорил «кость в трусах», о кудрявом человеке говорил, что у него волосы – как «шерсть на яйцах». Вспоминая о проведенном в Бангкоке отпуске, коротко подводил итог:

– Везти жену в Таиланд – все равно что лакать французское пиво в Баварии.

Анна находила его вульгарным, опасным, но неотразимым. От него исходила животная сила, нечто невероятно «*легавистое*». Его легче было представить сидящим в полутемном кабинете и выбивающим признания из подозреваемых. Или ведущим на штурм спецназовцев с помповыми ружьями.

Лоран рассказывал Анне, что Шарлье за годы службы хладнокровно убил как минимум пятерых человек. Полем его деятельности был терроризм. Работал ли Шарлье в Дирекции по территориальному надзору, или в Главном управлении внешней безопасности, или в другом подразделении, он всегда сражался, вечно воевал. Двадцать пять лет было отдано тайным операциям, раскрытию заговоров и предотвращению переворотов. Если Анна спрашивала о деталях, Лоран отмахивался:

– Это ничтожная часть айсберга!

В тот вечер компания ужинала именно у Шарлье, на авеню Де-Бретёй. Квартира в стиле барона Османна – идеально натертый паркет, драгоценная коллекция колониальных безделушек. Любопытство заставило Анну порыскать по тем комнатам, куда она смогла попасть: никаких следов женского присутствия. Шарлье был закоренелым холостяком.

Часы пробили одиннадцать. Гости сидели за столом – расслабленные, в сигарном дыму, как это обычно бывает в конце трапезы.

На дворе стоял март 2002 года, до президентских выборов оставалось всего несколько недель, и каждый считал своим долгом сделать прогноз, высказать предположения касательно перемен, грядущих в Министерстве внутренних дел в случае избрания того или другого кандидата. Казалось, все они готовы к решающей битве, хоть и не уверены, что примут в ней участие.

Филипп Шарлье, сидевший рядом с Анной, доверительно шепнул ей на ухо:

– Надоели они мне со своими историями! Знаешь анекдот про швейцарца?

Анна улыбнулась.

– Ты же сам рассказал мне в прошлую субботу.

– А про португалку?

– Нет.

Шарлье поставил локти на стол.

– Португалка собирается съехать с горы на лыжах. Очки

на носу, колени согнуты, палки подняты. Мимо проезжает лыжник и спрашивает, широко улыбаясь: «Готовы?» А она отвечает: «Не шовшем... Губы слиплись!»

Анне потребовалось несколько секунд, прежде чем она поняла похабный юмор этой истории. Она расхохоталась. Все полицейские шутки, истории и анекдоты касались темы «ниже пояса», зато не были избитыми. Анна все еще смеялась, как вдруг лицо Шарлье расплылось, черты мгновенно утратили резкость, поплыли, трясясь, как желе, в центре белого пятна.

Анна отвернулась, чтобы взглянуть на остальных. Их лица тоже распадались, сливаясь в жуткие маски, безобразно скалясь вопящими ртами...

Внутренности скрутил жестокий спазм. Она судорожно задышала ртом.

– Тебе плохо? – забеспокоился Шарлье.

– Я... Мне что-то жарко. Пойду освежусь.

– Хочешь, я тебя провожу?

Она встала, опираясь на его плечо.

– Все хорошо. Я сама найду.

Она пошла вдоль стены, зацепилась за угол каминной доски, натолкнулась на круглый столик на колесах, что-то зашелкало, застучало...

В дверях она оглянулась: на нее смотрели все те же маски. Гомон, крики, преследующая ее уродливая морщинистая плоть. Анна шагнула за порог, едва сдержав крик.

В холле было темно. Висящие на стене пальто пугали, как и темнота, сочившаяся из открытых дверей. Анна остановилась перед зеркалом в раме цвета старого золота: ее лицо было пергаментно-бледным, оно почти флуоресцировало, как у привидения. Анна обняла себя за плечи, обтянутые тонкой шерстью черного свитера: ее трясло, ей было холодно.

Внезапно в зеркале за ее спиной появился мужчина.

Она не знает этого человека – он не был на обеде. Она оборачивается. Кто он? Зачем пришел? Его лицо таит угрозу – в нем есть какой-то выверт, что-то извращенное. Руки сияют в темноте белизной, как две шпаги...

Анна отступает, прячется среди пальто. Мужчина делает к ней шаг, другой... Она слышит, как остальные разговаривают в соседней комнате, хочет закричать, но ее горло похоже на тлеющий рулон картона. До его лица осталось всего несколько сантиметров. В глазах отражается зеркальный блик, золото плещется в зрачках...

– Ты хочешь уйти?

Анна с трудом подавила стон: это был голос Лорана. Его лицо внезапно снова стало узнаваемым. Она ощутила его руки на своем теле и поняла, что потеряла сознание.

– Боже! – воскликнул Лоран. – Что с тобой?

– Мое пальто. Дай мне мое пальто, – почти приказала она, высвобождаясь.

Дурнота не отпускала. Она не могла с уверенностью сказать, что по-настоящему узнала мужа. Наоборот, в ней посе-

лилась другая уверенность: черты его лица изменились, все лицо стало другим, в нем появился секрет, непроницаемая для нее зона...

Лоран протянул ей пуховик. Его трясло. Он наверняка боялся за нее – но и за себя тоже. Его ужасала одна только мысль о том, что остальные могут понять, в чем дело: у одного из высших должностных лиц Министерства внутренних дел – чокнутая жена.

Она скользнула внутрь пальто, ощутив на мгновение удовольствие от прикосновения шелка подкладки. Как бы ей хотелось зарыться в него и исчезнуть навсегда...

Из гостиной доносился громкий смех.

– Я прощаюсь за нас обоих.

Она расслышала упрек в его голосе, новые взрывы хохота. Анна бросила последний взгляд в зеркало. Однажды, очень скоро, она спросит у своего отражения: «Кто это?»

Лоран вернулся. Она прошептала:

– Увези меня. Я хочу вернуться домой. Хочу лечь спать.

Но зло преследовало ее и во сне.

С тех пор как начались эти приступы, Anne всегда снился один и тот же сон. Зыбкие черно-белые изображения наплывали одно на другое, как в немом кино.

Повторялась одна-единственная сцена: ночь, перрон вокзала, крестьяне с изможденными лицами; в облаке пара по рельсам тянется товарный поезд. Открывается переборка, и появляется человек в фуражке; он наклоняется и подхватывает знамя, которое кто-то ему протягивает. На полотнище – странные символы: четыре луны, образующие звезду с четырьмя лучами.

Человек выпрямляется, поднимает черные брови. Он обращается к толпе, флаг развевается по ветру, но слова его не слышны. Площадь словно укутана живой, призрачно-прозрачной тканью, сотканной из горестного шепота, вздохов и рыданий детей.

Шепот Anne вливается в этот душераздирающий хор. Она спрашивает у молодых голосов: «Где вы?», «Почему вы плачете?»

Отвечает ей лишь ветер, взвихрившийся на платформе. Четыре луны на знамени внезапно начинают фосфоресцировать. Сцена превращается в настоящий кошмар. Пальто на мужчине распахивается – у него голая, вскрытая, выпотро-

шенная грудная клетка; под ураганным ветром начинает распадаться лицо. Плоть осыпается с костей, как пепел, начиная с ушей, обнажая выступающие почерневшие мышцы...

Анна вздрагивает и просыпается.

Смотрит в темноту – и ничего не узнает. Ни комнату. Ни кровать. Ни тело спящего рядом человека. Ей понадобилось несколько секунд, чтобы освоиться со всеми этими незнакомыми предметами. Она прислонилась к стене, вытерла залившее потом лицо.

Почему этот сон возвращается снова и снова? Как он связан с ее болезнью? Она была уверена, что столкнулась с другой ипостасью беды, с загадочным отзвуком, необъяснимым контрапунктом ее душевного недуга.

Она зовет, глядя во мрак:

– Лоран?

Муж лежит спиной к ней. Он не шевельнулся, не отозвался. Анна тянет его за плечо.

– Лоран, ты спишь?

В ответ – неясное шевеление, шорох простыней. Потом Анна начинает различать профиль Лорана в сумерках комнаты. Она снова спрашивает – тихо, но настойчиво:

– Ты спишь?

– Уже нет.

– Я... Я могу задать тебе вопрос?

Он садится в подушках.

– Я слушаю.

Анна еще больше понижает голос – рыдающие отголоски сна все еще звучат у нее в голове:

– Почему... – Она колеблется. – Почему у нас нет детей?

Наступает долгая секунда тишины. Потом Лоран откидывает простыни и садится на край кровати, повернувшись к ней спиной. Молчание внезапно становится напряженным, даже враждебным.

Он трет лицо ладонями, прежде чем объявить о своем решении:

– Мы вернемся к Акерманну.

– Что?

– Я позвоню ему. И назначу встречу в больнице.

– Зачем?

Он бросает через плечо:

– Ты солгала. Сказала, что у тебя нет никаких провалов в памяти. Только проблема с узнаванием лиц.

Анна поняла, что допустила серьезный промах: вопрос выдал, насколько плохо у нее с головой. Она могла видеть лишь затылок Лорана, завитки волос, узкую спину, но безошибочно угадывала, что он одновременно подавлен и разгневан.

– Что я сказала не так?

Лоран полуобернулся к ней.

– Ты никогда не хотела детей. Лишь на этом условии ты согласилась выйти за меня замуж. – Голос его звучал все раздраженнее, он начал размахивать левой рукой. – Даже на

свадебном ужине ты заставила меня поклясться, что я никогда не попрошу тебя об этом. Ты теряешь голову, Анна. Мы должны действовать. Необходимо сделать эти обследования, провести тесты. Понять, что происходит. Нужно остановить это! Черт-черт-черт!

Анна отодвинулась на противоположный конец кровати.

– Дай мне еще несколько дней. Должно быть другое решение.

– И какое же?

– Не знаю. Несколько дней. Пожалуйста.

Он снова лег, укрылся простыней с головой.

– Я позвоню Акерманну в следующую среду.

Благодарить не имело смысла: Анна даже не знала, зачем ей эта отсрочка. К чему отрицать очевидное? Болезнь захватывает – нейрон за нейроном – все отделы ее мозга.

Она скользнула под одеяло, оставаясь на безопасном от Лорана расстоянии, и начала размышлять о своем странном нежелании иметь детей. Почему она заставила мужа дать ей эту клятву? Чем тогда руководствовалась? Ответа она не знала. Ее собственная личность становилась для нее загадкой.

Анна мысленно вернулась на восемь лет назад. Ей было двадцать три года, когда она вышла замуж. А что она действительно помнит из того времени?

Усадьба в Сен-Поль-де-Ванс, пальмы, выжженная солнцем трава газонов, смех детей. Она закрыла глаза, пытаясь

вернуть былые ощущения. Круг, растекающийся китайскими тенями по лужайке, косы из цветов, белые руки...

Внезапно из глубин памяти Анны выскользнул газовый шарф: ткань крутанулась перед глазами, разрывая круг, замутившая зелень травы, притягивая свет причудливым танцем.

Вуаль подплыла так близко, что Анна почувствовала кожей фактуру ткани. Шарф лег ей на губы, Анна рассмеялась, но внезапно газ начал заползать ей в горло. Анна судорожно вдохнула, и шарф стремительным движением прилепился к нёбу. И был он уже не из газа – из марли.

Хирургической марли, которая душила ее.

Она закричала в ночи – не издав ни единого звука. Открыла глаза: оказывается, она заснула. И уткнулась ртом в подушку.

Когда же все это кончится? Анна выпрямилась, почувствовала, что снова вспотела. Ощущение удушья спровоцировал тот липкий кусок ткани.

Она встала и пошла в ванную. Нашла на ощупь ручку, вошла, закрыла за собой дверь и только тогда зажгла свет. Потом повернулась к зеркалу над раковиной.

Лицо у нее было в крови.

На лбу – красные полосы, под глазами, у ноздрей, вокруг губ – мелкая труха высохших капелек.

Она было подумала, что поранилась, но, взглядевшись внимательнее, поняла, что это всего лишь носовое кровотечение. Наверное, она инстинктивно попыталась утереться, вот

и выпачкалась собственной кровью. Текло сильно – так, что намокла ночная рубашка.

Анна отвернула кран холодной воды, подставила под струю руки, и в раковину потек розоватый ручеек. Внезапно Анну посетило озарение: эта кровь олицетворяла собой ту истину, что пыталась вырваться, высвободиться из глубин ее существа. Секрет, который ее сознание отказывалось разгадывать, формулировать, органическим потоком истекал из ее тела.

Анна подставила лицо под освежающий холод воды, и ее слезы смешались с прозрачными струйками. А она все шептала и шептала бегущей воде:

– Что со мной? Да что же со мной такое?

Часть II

7

Маленькая золотая шпажка.

Так выглядел в его воспоминаниях простой медный нож для разрезания бумаги с резной рукояткой в испанском стиле. Восемилетний Поль украл его из мастерской отца и спрятался в своей комнате. Он прекрасно помнил, как все тогда было. Закрытые ставни. Удушающая жара. Расслабленность и тишина послеобеденного отдыха.

Конец дня – не хуже и не лучше других.

Разница заключалась лишь в том, что эти несколько часов навсегда перевернули всю его жизнь.

– Что ты прячешь за спиной?

Поль сжал кулак. На пороге стояла его мать.

– Покажи мне, что ты там прячешь.

В ее спокойном голосе прозвучало любопытство. Поль еще сильнее сцепил пальцы. Она пошла к нему, двигаясь в полумраке комнаты: на полу лежали полосы солнечного света, проникавшего через деревянные щели створок. Она присела на край кровати, аккуратно разжала побелевшие от напряжения пальцы Поля.

– Зачем ты взял этот ножик?

Ее лицо оставалось в тени.

– Чтобы защитить тебя.

– Защитить от кого?

Молчание.

– Защитить меня от папы?

Она наклонилась, и ее лицо попало в полосу света – распухшее, покрытое синяками, один глаз с красным белком смотрел на Поля, как светофор. Она повторила:

– От папы, ведь так?

Поль кивнул. Она на мгновение замерла, а потом обняла его, как нахлынувшая на берег волна, но Поль оттолкнул ее: он не хотел ни слез, ни жалости. Сейчас имело значение только будущее сражение. Клятва, которую он дал самому себе накануне вечером, когда отец – вусмерть пьяный – избивал его мать до тех пор, пока она не рухнула без сознания на пол в кухне. Страшный человек обернулся, увидел маленького Поля – тот дрожал от страха, застыл в дверях, – и пригрозил:

– Я вернусь. Вернусь и убью вас обоих!

Вот почему Поль вооружился и теперь ждал возвращения отца, зажав в кулаке нож.

Но Нерто-старший не вернулся. Ни на следующий день, ни через день. По какому-то странному стечению обстоятельств Жан-Поля Нерто прикончили в ту самую ночь, когда он грозился убить свою семью. Его тело нашли два дня спустя, в его собственном такси, рядом с нефтехранилища-

ми порта в Женвилье.

Узнав об убийстве, Франсуаза, его жена, отреагировала более чем странно: вместо того чтобы отправиться на опознание, она захотела поехать на место происшествия и убедиться, что «Пежо-504» цел и невредим и у них не будет проблем с компанией такси.

Поль помнил мельчайшие детали: поездку на автобусе до Женвилье; бормотанье оглоушенной матери; собственный страх перед загадочным происшествием и восторг, испытанный в доках. Гигантские стальные конструкции на пустырях, сорная трава и колючий кустарник среди бетонных развалин. Стальные прутья ржавели, как металлические кактусы. Пейзаж из вестерна, похожий на нарисованную пустыню из мультфильмов.

Под раскаленным небом мать и сын шли мимо складов и на самом краю заброшенной территории, среди серых дюн, увидели семейный «пежо» – машина была наполовину засыпана песком. Полицейские в форме; блестящие на солнце наручники; тихие голоса; ремонтники с грязными руками, суетящиеся вокруг машины...

Ему понадобилось всего несколько мгновений, чтобы понять: отца закололи ножом прямо за рулем, и одна секунда, чтобы заметить через приоткрытую дверцу, как изрезана спинка сиденья.

Убийца сидел сзади, он проткнул отца *через* сиденье.

Это зрелище потрясло мальчика, открыв ему тайный

смысл события. Накануне он захотел, чтобы его отец умер. Вооружился, рассказал матери, и его признание обрело силу проклятия: какое-то таинственное существо исполнило его желание. Нож был не в его руке, но именно он мысленно отдал приказ о казни.

С этого момента он больше ничего не помнил. Ни похорон, ни стенаний матери, ни денежных трудностей, свалившихся на их семью. Все существо Поля заиклилось на ужасной истине: он – единственный виновник.

Великий распорядитель бойни.

Много позже, в 1987 году, он записался на факультет права Сорбонны. Подрабатывая тут и там, собрал достаточно денег, чтобы снимать в Париже комнату и держаться подальше от матери, которая беспробудно пила. Она всю жизнь проработала уборщицей и с ума сходила от счастья при мысли о том, что ее сын будет адвокатом. Но у Поля были другие планы.

Получив в 1990 году диплом, он поступил в школу инспекторов полиции Канн-Экюз и два года спустя закончил ее первым в своем выпуске, получив право работать в Центральном бюро по борьбе с незаконным оборотом наркотиков (ЦББНОН), куда мечтали попасть все начинающие сыщики. Храм охотников за наркотиками.

Казалось, его путь был предопределен. Четыре года в центральном отделении или в элитной бригаде, потом – конкурс на должность комиссара. Прежде чем ему исполнится сорок,

Поль Нерто получит высокий пост в Министерстве внутренних дел на площади Бово, за золочеными гардинами Большого Дома. Блистательный успех для мальчика из так называемой «неблагополучной среды».

Но Поля карьера не интересовала. У его призвания сыщика была другая подоплека, связанная с давним чувством вины. Пятнадцать лет прошло со дня их с матерью поездки в порт Женевилье, но его все еще мучило раскаяние, он руководствовался единственным желанием – исправить ошибку, замолить грех, вернуть утраченную невинность.

Пытаясь усмирить страхи и тоску, Поль изобрел собственные методики сосредоточения. Поль Нерто стал негибким. В «конторе» его либо ненавидели, либо боялись, либо восхищались им – но никто не любил. Никто из коллег не понимал: непреклонность этого человека, его желание преуспеть – страховочная лонжа, спасательный трос. Способ держать в подчинении личных демонов. Никто не знал, что в правом углу ящика письменного стола Поль Нерто по-прежнему хранит тот самый медный ножик для разрезания бумаги...

Он крепче сжал руль и сосредоточился на дороге.

Какого черта он разворошил все это дерьмо именно сегодня? Дождь повлиял? Или воскресенье – самый тухлый день недели?

По обеим сторонам дороги тянулись черные борозды вспаханных полей. Линия горизонта напоминала последний

рубеж обороны, опрокидывающийся в бездну неба. В этом месте не могло случиться ничего, кроме медленного погружения в отчаяние.

Он бросил взгляд на карту, лежавшую на пассажирском сиденье. Ему нужно было съехать с шоссе А-1 на шоссе государственного значения, ведущее в Амьен. Потом десять километров по департаментской дороге 235 – и он на месте.

Чтобы прогнать мрачные мысли, Поль стал думать о человеке, к которому ехал, единственном сыщике, с которым он в принципе не хотел встречаться. Никогда. Поль снял копию с досье в Генеральной инспекции по надзору и мог бы наизусть рассказать всю его биографию...

Жан-Луи Шиффер, родился в 1943 году в Олнэ-су-Буа, Сена – Сен-Дени. В зависимости от обстоятельств, его называли либо Цифером, либо Шухером. Цифером – за привычку «снимать процент» со всех дел, которые он вел; Шухером – из-за репутации беспощадного сыскаря с гривой длинных седых шелковистых волос.

Получив аттестат в 1959 году, Шиффер отправился служить в армию – в Алжир, в гористую местность близ пустыни Сахара. В 1960 году его переводят в столицу этой африканской страны, и он становится офицером разведки, служит в Оперативном подразделении поддержки (ОПП).

В 1963 году Шиффер в звании сержанта возвращается во Францию и поступает на работу в полицию. Сначала – обычным полицейским, позже, в 1966-м, следователем террито-

риальной бригады 6-го округа. Он очень быстро выделился – благодаря врожденному чувству улицы и способности «внедряться». В мае 1968 года он бросается в гущу событий и растворяется среди студентов. В то время он носит хвост, курит гашиш и под шумок записывает в блокнот имена политических заводител. В ходе столкновения на улице Гей-Люсак, когда бунтари забрасывали служителей порядка камнями, Шиффер спасает жизнь бойцу отряда особого назначения.

Первый акт мужества.

Первое отличие.

Подвиги Шиффера множатся. В 1972 году его переводят в уголовный розыск, он становится инспектором и продолжает совершать героические поступки, не боясь ни стрельбы, ни драк. В 1975-м Шиффер получает медаль за Акт мужества. Кажется, ничто не может остановить его восхождение на самый верх. Тем не менее, после недолгого пребывания в 1977 году в знаменитой Бригаде по борьбе с мафией, его внезапно переводят. Поль обнаружил среди документов рапорт, составленный и подписанный лично комиссаром Бруссаром, с резолюцией на полях: «Неуправляем».

Шиффер находит свою охотничью территорию в 10-м округе, в Первом подразделении уголовной полиции. Отказываясь от любого повышения или перевода, Шиффер двадцать лет царит и правит в Восточном квартале, на участке между бульварами, Западным и Северным вокзалами, уста-

навливает закон и порядок в турецком квартале и других зонах компактного проживания иммигрантов.

Все эти годы он руководит сетью осведомителей, контролирует азартные игры, проституцию, торговлю наркотиками, поддерживая тесные – «на грани фола», – но весьма эффективные отношения с главами всех преступных сообществ.

Кроме того, Шиффер добивается фантастического уровня раскрываемости в делах, которые ведет.

По мнению самых высоких инстанций, ему, и только ему общество было обязано относительным спокойствием, царившим в период с 1978-го по 1998 год в этой части 10-го округа. Жан-Луи Шифферу – исключительный случай! – даже продлевают срок службы на три года, с 1999-го по 2001-й.

В апреле 2001 года полицейский официально уходит в отставку. В его активе: пять наград, в том числе орден «За заслуги», двести тридцать девять арестов и четверо убитых им при задержании преступников. К пятидесяти восьми годам он так и остался простым инспектором, знатоком улицы, хозяином одной и той же территории.

Таким был Шухер.

Цифер появляется на сцене в 1971 году, когда сыщика замечают за избиением проститутки на улице Мишодьер в квартале Мадлен. Расследование внутреннего отдела и полиции нравов заканчивается, практически не начавшись. Ни одна девушка не желает давать показания против инспектора с серебряными волосами. В 1979 году регистрируется новая

жалоба. Поговаривают, что Шиффер «крышует» проституток на Иерусалимской улице и улице Сен-Дени.

Новое расследование, новая неудача.

Цифер умеет прикрывать свои тылы.

Серьезные проблемы начинаются в 1982 году. Крупная партия героина исчезает из комиссариата Бон-Нувель после разгрома сети турецких дилеров. Имя Шиффера у всех на устах. За ним устанавливают наблюдение, но год спустя расследование прекращают. Нет ни доказательств, ни свидетелей.

Проходят годы, возникают новые подозрения. Процент от рэкета, азартных игр и букмекерства, делишки с воротилами из квартала, сутенерство... Старый легавый прогнал насквозь, но никому не удастся его уличить. Шиффер «держит» свой сектор, и держит крепко. Следователям из отдела внутренних расследований отказывают в помощи даже бывшие коллеги Шиффера – полицейские.

В глазах всех Шиффер – это прежде всего Шухер. Герой, защитник общественного порядка.

Последняя ошибка едва не погубила Шиффера. Октябрь 2000 года. На рельсах Северного вокзала найдено тело турка-нелегала Газиля Гемета. Накануне Гемет, заподозренный в торговле наркотиками, был арестован лично Шиффером. Сыщика обвиняют в «преднамеренной жестокости», но он заявляет, что освободил подозреваемого прежде, чем истек срок задержания, – что совершенно не в его духе.

Умер ли Гемет от побоев Шиффера? Вскрытие не дает ответа на этот вопрос – поезд в 8.10 ужасно изуродовал труп. Но повторная экспертиза находит следы странных «повреждений», наводящих на мысль о пытках. Кажется, что на сей раз Шифферу не отвертеться от тюрьмы.

Тем не менее в апреле 2001 года прокуратура снова отказывается от преследования. Что же произошло? Кто помог Жан-Луи Шифферу? Поль говорил с офицерами из отдела внутренних расследований, но они не захотели отвечать: все это было слишком омерзительно. Несколько недель спустя Шиффер лично пригласил их на «отвальную».

Продажный негодяй и горлопан.

Вот с этим-то мерзавцем и предстояло встретиться Полю.

Съездная дорога на Амьен вернула его к реальности. Он перебрался с автобана на национальную, ему оставалось проехать несколько километров до указателя на Лонжер.

Вскоре Поль добрался до городка, но останавливаться не стал и вырулил на шоссе, ведущее в залитую дождем долину. Он ехал мимо блестящих от воды зарослей высокой травы, и внезапно его осенило – он понял, почему думал о своем отце по пути к Жан-Луи Шифферу.

Счетовод был в каком-то смысле отцом всех сыщиков. Полугерой-полудемон, он воплощал в себе лучшее и худшее, жестокость и продажность, Добро и Зло. Отец Основатель, Великое Все, и Поль восхищался им против своей воли, как восхищался – ненавидя – своим жестоким отцом-алкоголи-

KOM.

Поль с трудом удержался от смеха, увидев здание, которое искал. Крепостная стена и две башенки-колокольни делали дом престарелых для бывших полицейских в Лонжере похожим на тюрьму.

По другую сторону стены сходство еще больше усиливалось. Во дворе в форме подковы стояли три корпуса с черными проемами галерей. Несколько человек играли под дождем в петанк. Все они были в спортивных костюмах и напоминали заключенных всех тюрем на свете. Неподалеку трое полицейских в форме, приехавшие навестить родственников, успешно играли роль надзирателей.

Поль оценил иронию момента. Богадельня в Лонжере, содержавшаяся на средства Национального общества взаимопомощи полицейских, была самым большим домом престарелых во Франции. Сюда принимали рядовых сотрудников и офицеров, если они не страдали никаким «хроническим психосоматическим недугом или алкогольной зависимостью». Приехав в Лонжер, Поль обнаружил, что «мирная гавань» с ее замкнутым пространством и постояльцами исключительно мужского пола – не более чем обычная тюрьма. Он подумал: «Все возвращается на круги своя».

Подойдя к главному зданию, Поль толкнул застекленную дверь. Очень темный квадратный вестибюль, лестница на-

верх с маленьким окошком из поцарапанного матового стекла. Здесь было жарко и душно, как в виварии, воняло лекарствами и мочой.

Поль пошел налево, к двери с хлопающими створками, ориентируясь по запаху еды. Был полдень, и постояльцы, вероятно, обедали.

Стены в столовой были выкрашены в желтый цвет, пол застелен кроваво-красным линолеумом. На длинных столешницах из оцинкованного железа аккуратными рядами стояли тарелки и лежали приборы, в мисках дымился суп. Все было готово, но люди еще не пришли.

Шум доносился из соседней комнаты. Поль пошел на звук, прилипая подошвами к грязному полу. Любой, кто попадал сюда, мгновенно поддавался царившему здесь ощущению, начинал стремительно стареть.

Поль переступил порог комнаты. Человек тридцать отставников в бесформенных спортивных костюмах застыли перед телевизором: «Пти Бонёр только что обошел Бартука...» По экрану скакали лошади.

Поль подошел ближе и тут заметил в соседней комнате сидевшего в одиночестве старика. Он вытянул шею, пытаясь разглядеть этого человека, терзавшего вилкой бифштекс.

Сомнений не было: сгорбившийся над тарелкой старик и есть тот человек, ради которого он приехал в Лонжер.

Цифер, он же Шухер.

Полицейский, произведший двести тридцать девять аре-

стов.

Комментатор за спиной Поля бубнил: «Пти Бонёр, по-прежнему Пти Бонёр...» По сравнению с фотографиями, которые Поль видел в досье, Жан-Луи Шиффер постарел на двадцать лет.

Лицо его исхудало, утратив медальную четкость черт, морщинистая кожа стала серой и обвисла, как у ящерицы. Глаза, когда-то ярко-голубые, едва проглядывали из-под тяжелых век. Знаменитые длинные волосы были пострижены ежиком, благородная серебряная грива превратилась в жестяную щетку.

Сильное тело было облачено в старый синий костюм, отложной воротник куртки падал на плечи двумя крыльями. Рядом с тарелкой Шиффера Поль заметил стопку купонов Парижской букмекерской конторы (ПБК). Гроза улиц Жан-Луи Шиффер стал букмекером кучки бывших регулировщиков.

Как он мог надеяться на этого дряхлого старика? Но отступать было поздно. Поль поправил кобуру и наручники, придал лицу выражение «для особо важных случаев»: тяжелый взгляд, сжатые челюсти. Шиффер поднял на него ледяные глаза и процедил сквозь зубы:

– Для отдела внутренних расследований ты слишком молод.

– Капитан Поль Нерто, Десятый округ, Первое подразделение уголовной полиции.

Это прозвучало нелепо – так, будто он докладывался начальству, но старик уж задавал следующий вопрос:

– Улица Нанси?

– Улица Нанси.

В словах Шиффера прозвучала скрытая лесть: он признавал в Поле сыщика, а не кабинетного служаку.

Поль подвинул к себе стул, бросив раздраженный взгляд на прилипших к телевизору игроков. Шиффер коротко хохотнул.

– Тратишь жизнь на то, чтобы упрятать за решетку побольше всякой швали, и что в финале? Сам оказываешься в какой-нибудь заплесневелой дыре.

Он поднес ко рту вилку. Челюсти, пережевывавшие мясо, были сильными, как у тигра. Да, Шиффер явно придуривался: если сдуть с этой мумии пыль...

– Чего ты хочешь? – буркнул старик, проглотив еду.

Поль сообщил, изображая застенчивого новичка:

– Я приехал за советом.

– И о чем ты собираешься со мной советоваться?

– Вот об этом.

Он достал из кармана куртки конверт и положил перед Шиффером на стол, рядом с пачкой купонов. Тот отодвинул тарелку, медленно, почти небрежно, открыл его и достал штук десять цветных фотографий.

Взглянув на первый снимок, он спросил:

– Что это?

– Лицо.

Шиффер перешел к следующим фотографиям. Поль комментировал:

– Нос был отрезан куттером. Или бритвой. Порезы и разрывы на лице сделаны тем же инструментом. Подбородок отпилен. Губы отрезаны ножницами.

Не говоря ни слова, Шиффер вернулся к первому снимку.

– Но сначала, – продолжил Поль, – женщину зверски избили. Эксперт считает, что тело уродовали после смерти.

– Ее опознали?

– Нет. Отпечатки пальцев ничего нам не сказали.

– Сколько лет?

– Около двадцати пяти.

– Причина смерти?

– Выбирай не хочу! Побои. Раны. Ожоги. Тело в том же состоянии, что и лицо. Мучили ее не меньше суток. Я жду подробный отчет о вскрытии.

Отставник поднял на него глаза.

– Зачем ты все это мне показываешь?

– Труп был найден вчера, на рассвете, рядом с больницей Сен-Лазар.

– Ну, и?..

– Это ведь ваша бывшая территория. Вы больше двадцати лет проработали в Десятом округе.

– Что не делает меня специалистом по маньякам.

– Я думаю, жертва – турчанка, работница одной из ма-

стерских.

– Почему именно турчанка?

– Во-первых, квартал. Во-вторых – зубы. В пломбирующем составе присутствует золото, сейчас так работают только на Ближнем Востоке. – Он повысил голос. – Вам назвать компоненты?

Шиффер снова подвинул к себе тарелку и вернулся к еде.

– Почему работница? – спросил он, прожевав очередную порцию.

– Пальцы, – пояснил Поль. – Подушечки в мелких шрамах. Это характерно для некоторых видов швейных операций. Я проверял.

– Ее приметы соответствуют описанию кого-то из поданных в розыск?

Старый сыщик по-прежнему делал вид, что не понимает.

– Никаких заявлений никто не подавал, – терпеливо пояснил Поль. – Она нелегалка, Шиффер. Женщина, у которой нет гражданского статуса во Франции. Никто не станет требовать, чтобы ее искали. Идеальная жертва.

Цифер медленно и методично доел бифштекс, отложил вилку и нож и снова взялся за фотографии. На этот раз он надел очки, внимательно разглядывая увечья.

Поль против воли тоже опустил глаза на снимки: черный провал отрезанного носа, свисающая лохмотьями кожа на лице, омерзительно-лиловая «заячья губа» на месте рта.

Шиффер уронил фотографии на стол и, аккуратно сняв

крышечку, зачерпнул ложкой йогурт.

Поль чувствовал, как стремительно тают остатки терпения.

– Я начал обходить мастерские, общежития, бары. Ничего не нашел. Никто не исчез. И это нормально – люди ведь там не существуют. Это нелегалы. А как идентифицировать жертву в сообществе невидимок?

Шиффер молчал, методично поедая десерт. Поль продолжил:

– Ни один турок ничего не видел. Никто не захотел ничего мне сказать. Вернее – не смог. Потому что никто не говорит по-французски.

Цифер небрежно поигрывал ложечкой. Наконец он соизволил произнести:

– И тогда тебе называли меня.

– Все говорили о вас. Бованье, Монестье, мои лейтенанты, мои осведомители. Послушать их – так, кроме вас, ни один человек не сдвинет с места это гребаное расследование.

Очередная пауза. Шиффер вытер губы салфеткой и снова взялся за пластиковый стаканчик.

– Все это давно в прошлом. Я в отставке, и мне не до того. – Он кивнул на купоны. – У меня теперь новые обязанности.

Поль вцепился в край стола, наклонился к собеседнику.

– Шиффер, он раздавил ей ступни ног. Рентген выявил больше семидесяти осколков костей, проткнувших плоть.

Он так искромсал ей грудь, что можно ребра пересчитать, засунул во влагалище палку, утыканную лезвиями. — Он ударил ладонью по столу. — Я не позволю ему продолжать!

Старый сыщик поднял брови.

— Продолжать?

Поерзав на стуле, Поль выдернул из внутреннего кармана куртки свернутую трубочкой папку и процедил сквозь зубы:

— У нас три жертвы.

— Три?

— Первое тело обнаружили в ноябре прошлого года. Второе — в январе нынешнего. Теперь вот эта женщина. Все — в турецком квартале. Всех пытали, раны у всех на лице и теле идентичны.

Шиффер молча смотрел на него, поигрывая ложечкой. Сорвавшись, Поль заорал, перекрывая возгласы болельщиков:

— Черт побери, Шиффер, вы что, не понимаете? По турецкому кварталу бродит серийный убийца. Этот человек нападает только на нелегалок. На женщин, которые не числятся в зоне, которая и Францией-то не является!

Жан-Луи Шиффер наконец отреагировал: бросив на стол ложку, он выдернул папку из пальцев Поля.

— Долго же ты до меня добирался...

На улице было солнечно. На большом посыпанном гравием дворе блестели серебристые лужи. Поль нетерпеливо ходил перед центральным входом, ожидая, пока Жан-Луи Шиффер закончит собираться.

Другого решения не существовало – он с самого начала понимал это. Цифер не мог давать ему советы по телефону из своего убежища, направляя по верному следу. Нет. Бывший полицейский должен был вместе с ним допрашивать ту-рок, ему следовало использовать старые связи, вернувшись в квартал, который он знал лучше любого парижского полицейского.

Поль поежился, представив возможные последствия своего поступка. Он никого не поставил в известность о принятом решении – ни судью, ни вышестоящих начальников, а выпускать на охоту мерзавца, почти «беспредельщика», прославившегося жестокими методами работы, было более чем опасно, так что придется держать его в «строгом ошейнике».

Поль поддал ногой камешек, и тот полетел в лужу. Он пытался уговорить себя, что выбрал правильное решение. Как он дошел до подобного состояния? Почему так усердствует в этом расследовании? Что заставило его сразу после первого убийства действовать так, словно вся его дальнейшая жизнь зависит от исхода дела?

Он на мгновение задумался, глядя на свое отражение в воде, и вынужден был признать себе, что у его яростного рвения есть одна-единственная, не имеющая никакого отношения к расследованию причина.

Все началось с Рейны.

25 марта 1994 г.

Поль тогда работал в Управлении по борьбе с наркотиками. Дела шли хорошо, он вел спокойную, размеренную жизнь, готовился к конкурсу на звание комиссара и даже вполне успешно загнал в глубь сознания воспоминания об убийстве отца. Шкура сыщика служила броней против старых наваждений.

В тот вечер он сопровождал в парижскую префектуру наркоторговца-кабила, которого шесть часов допрашивал в своем кабинете в Нантере. Рутинное дело. На набережной Орфевр он попал в самую гущу серьезной заварушки: к зданию один за другим подъезжали фургоны, оттуда выскакивали вопящие, размахивающие руками подростки, во всех направлениях вдоль набережной разбегались спецназовцы, безостановочно выли сирены машин «скорой помощи», заезжавших во двор особняка Отель-Дье.

Поль выяснил, что демонстрация против проекта профессионального трудоустройства молодежи вылилась в беспорядки, на площади Нации были ранены около ста полицейских и десятки демонстрантов, материальные убытки тянули

на миллионы франков.

Поль потащил задержанного в подвал. Если не найдется места в обезьяннике, придется ехать в тюрьму Сантэ или в другой изолятор. То еще удовольствие – перемещаться по Парижу с преступником, пристегнутым наручником к собственной руке!

Внизу Поля встретил обычный гвалт, правда, на сей раз задержанные шумели в тысячу раз сильнее: оскорбления, ругательства, вопли, плевки. Демонстранты цеплялись за решетки, понося надзирателей, те в ответ лупили их дубинками. Ему удалось пристроить дилера, и он поспешил ретироваться, удирая от оглушительного гвалта.

Он заметил ее в последний момент.

Она сидела на полу, обняв руками колени, и свысока, с презрением взирала на бурливший вокруг хаос. Поль подошел. У нее были взлохмаченные черные волосы, худенькая «бесполая» фигурка, облаченная во все темное à la «Joy Division» – по моде 80-х. Она даже нахлобучила на макушку куфию в бело-синюю клетку – только Ясир Арафат осмеливался носить этот головной убор подобным образом.

Стрижка под панка – и фантастически правильные черты лица, как у беломраморной статуэтки. Совершенные формы – тяжелые и одновременно мягкие, венец творения, волшебные изваяния, вышедшие из-под резца Бранкузи.

Он поговорил с дежурными, выяснил, что имя девушки не успели внести в протокол, и увел ее в здание своего Управ-

ления, на четвертый этаж. Шагая по лестницам, он мысленно перебирал собственные «плюсы» и «минусы».

К «плюсам» можно было, пожалуй, отнести привлекательную внешность – так, во всяком случае, считали проститутки, свистевшие ему вслед и зазывавшие «отдохнуть», когда он шустрил по «горячим» кварталам в поисках дилеров. Гладкие черные, как у индейца, волосы. Правильные черты лица, глаза кофейного цвета. Тело сухое и поджарое, повадка нервная, рост – не так чтобы очень, но он казался выше благодаря ботинкам «*Paraboots*» на толстенных подошвах. Поль выглядел бы просто красавчиком, если бы не жесткий взгляд (он отрабатывал его перед зеркалом!) и не вечная трехдневная щетина.

«Минус» существовал всего один, но капитальный – Поль был легавым.

Просмотрев досье девушки, он понял, что препятствие рискует оказаться непреодолимым. Рейна Брендоза, двадцать четыре года, проживает в Сарселе, улица Габриэль-Пери, 32, член Коммунистической революционной лиги, склонна к активным действиям, состоит в группе итальянских антиглобалистов, сторонница гражданского неповиновения; много раз арестовывалась за вандализм, нарушение общественного порядка, противоправные действия. Настоящая бомба.

Поль выключил компьютер и снова взглянул на взиравшее на него с другой стороны стола создание. Черные, подведен-

ные хной глаза сразили наповал – почище двух заирских дилеров, как-то раз отметеливших Поля в Шато-Руж, когда он слишком расслабился.

Он повертел в руках ее удостоверение личности – полицейская привычка! – и спросил:

– Тебе нравится все ломать?

Нет ответа.

– Другого способа выразить свое мнение нет?

Нет ответа.

– Тебя возбуждает насилие?

Нет ответа. И внезапно – низкий тягучий голос:

– Единственное настоящее насилие – частная собственность. Заражение масс. Порабощение умов. Худшее из всех – закрепленное на бумаге и разрешенное законами.

– Эти идеи давно устарели – ты не знала?

– Никто и ничто не помешает крушению капитализма.

– А пока ты сядешь на три месяца за решетку.

Рейна Брендоза улыбнулась.

– Ты играешь в brave солдатика, а сам – просто пешка.

Я дуну – и ты исчезнешь.

Поль улыбнулся в ответ. Никогда еще женщина не вызвала в нем подобной смеси раздражения и восхищения, такого бурного желания и опаски одновременно.

После первой проведенной вместе ночи он попросил о новой встрече – она обозвала его «грязным легавым». Месяц спустя – она каждый день оставалась у него ночевать – он

предложил ей переехать, но она послала его куда подальше. Позже, когда он заговорил о том, чтобы пожениться, она просто расхохоталась.

Они поженились в Португалии, в ее родной деревне. Сначала расписались в коммунистической мэрии, потом обвенчались в маленькой церкви. Гремучая смесь веры, социализма и солнца. Одно из лучших воспоминаний Поля.

Несколько следующих месяцев были самыми прекрасными в его жизни. Он не переставал изумляться и восхищаться. Рейна казалась ему развоплощенным, бесплотным существом, но в ней жила и невероятная, почти животная, чувственность. Она могла часами объяснять ему свои политические убеждения, рисовать утопии, цитировать философов, чьих имен он никогда не слышал, а мгновение спустя подарить поцелуй, напомнив, что она – существо из плоти и крови.

В ее дыхании ощущался привкус крови – она вечно кусала губы. Казалось, что эта женщина каждое мгновение караулит дыхание мира, стараясь двигаться в унисон с тайными шестеренками бытия. Она была наделена природным, глубинным чутьем, связывавшим ее с нервными тканями Вселенной, с вибрациями Земли и дыханием всего живого.

Поль любил замедленность, плавность ее движений, почему-то напоминавших ему колокольный звон. Он восхищался ее обостренным, страдальческим восприятием несправедливости, нищеты, падения нравов. Он преклонялся перед

выбранным ею жертвенным путем, возвышавшим их каждодневную жизнь до уровня трагедии. Жизнь с женой напоминала аскезу – ожидание пророчества. Это был путь веры, самопознания и самосовершенствования.

Рейна, или жизнь натошак... Это чувство было предвестником того, что случилось потом. В конце лета 1994 года она объявила ему, что беременна. Он воспринял новость как предательство: у него украли мечту. Его идеал тонул в банальности физиологии и семейной жизни. В действительности же он чувствовал, что потеряет ее. Сначала – физически, но и духовно тоже. Призвание Рейны наверняка изменится, ее утопия воплотится в совершающейся внутри нее метаморфозе...

Так и произошло. Очень скоро она отделилась от него, запретила прикасаться к своему телу, почти не замечала его присутствия. Рейна превратилась в своего рода запретный храм, замкнутый на единственном идоле – ребенке. Поль мог бы привыкнуть, подстроиться под эти перемены, но он чувствовал – есть что-то еще, какая-то глубинная ложь, которой он прежде не замечал.

После родов, в апреле 95-го, их отношения окончательно разладились. Они существовали рядом с дочерью, как два посторонних друг другу человека. Несмотря на присутствие в доме новорожденного существа, в воздухе витал зловещий аромат похорон. Поль понимал, что стал для Рейны объектом полного, тотального отвержения.

Однажды ночью он не выдержал и спросил:

– Ты больше меня не хочешь?

– Нет.

– И никогда не захочешь?

– Нет.

Поколебавшись, он все-таки задал роковой вопрос:

– Ты когда-нибудь меня хотела?

– Нет, никогда.

Для легавого он оказался слишком недогадливым... Их встреча, их роман, их брак – все было блефом, надувательством.

Махинацией, единственной целью которой был ребенок.

Развод занял всего несколько месяцев. В кабинете судьи Поль словно выпал в другое измерение: хриплый голос оказывался его собственным голосом, что-то кололо лицо, и это была его собственная щетина. Он плыл по комнате, как привидение, как вызванный медиумом призрак. Он согласился на алименты и совместную опеку, не пожелав сражаться. Все ему было «по фигу» – он упивался жалостью к себе, мог думать только о коварстве Рейны. Он пал жертвой весьма своеобразной коллективизации. Рейна, как истинная марксистка, экспроприировала его сперму, осуществив оплодотворение «*in vivo*», на коммунистический манер.

Верхом нелепости была его неспособность возненавидеть ее, он даже восхищался этой интеллектуалкой, чуждой плотскому желанию. Поль был совершенно уверен – она больше

никогда и ни с кем не вступит в сексуальные отношения. Ни с мужчиной, ни с женщиной. Эта идеалистка, желавшая одного — дать жизнь новому существу, не испытывая наслаждения и ни с кем не делаясь чувствами, — изумляла его, он не понимал, не мог понять...

С того момента он уподобился потоку сточных вод, стремящихся влиться в море грязи. Забросил работу, не показывался в своем кабинете в Нантере, проводя дни и ночи в самых опасных кварталах, общаясь с худшим отребьем, курил травку, жил бок о бок с дилерами и бродягами, как будто хотел стать одним из них...

Потом, весной 1998-го, он решился наконец ее увидеть.

Девочку звали Селина, и ей исполнилось три года. Первые уик-энды оказались просто чудовищными. Парки, прогулки, отцовские обязанности: беспредельная скука. Неожиданно он открыл для себя нечто, к чему не был готов. Прозрачная прелесть движений и жестов его ребенка, ее лицо, ее лепет; воздушное, капризное, восхитительное создание завоевало его душу.

Протянутая ладошка, растопыренные пальчики, манера наклоняться к нему, смешно гримасничая, голосок, полный странного очарования, заставлявший его вздрагивать, как от прикосновения мягкой ткани или шершавой коры дерева. Внутри ребенка уже жила женщина. Не такая, как мать, — только не такая! — но хитрое, живое, единственное в своем роде создание.

Великая новость явила себя миру: рядом с ним на Земле существовала Селина.

Жизнь Поля совершенно переменялась, он со страстью отдался обязанностям отца, свирепо отстаивая свое право на совместную опеку. Регулярные встречи с дочерью вдохновляли его, он возжелал вернуть себе самоуважение, мечтал стать героем, неукротимым суперсыщиком, отмывшимся от грязи и подозрений.

Человеком, которому не стыдно будет смотреться по утрам в зеркало.

Чтобы окончательно излечиться, он выбрал единственное дело, которое умел делать: борьбу с преступностью. Наплевав на комиссарскую должность, попросил о переводе в парижский уголовный розыск и, несмотря на подмоченную репутацию, получил в 1999-м звание капитана. Поль стал неутомимым и безжалостным следователем, он жаждал получить такое расследование, о каком мечтают все честолоубивые сыскари: охоту на хищного зверя, дуэль, *mano a mano*² с врагом, достойным этого звания.

Именно тогда до него дошли слухи о первом трупе.

Рыжая женщина, которую страшно пытали и изуродовали, была найдена под аркой дома на Страсбургском бульваре. Это случилось 15 ноября 2001 года. Ни подозреваемых, ни мотивов, ни жертвы... Труп не соответствовал описанию ни одной из женщин, объявленных в розыск. Отпечатки паль-

---

² Рукопашная (исп.).

цев в картотеке отсутствовали. Дело считалось фактически закрытым, его отнесли к разборкам между шлюхой и сутенером: улица Сен-Дени находилась метрах в двухстах от бульвара. Поль чутьем хорошего сыщика почуял нечто иное. Запросив дело – протокол обследования места происшествия, отчет о вскрытии, фотографии жертвы, – он все рождественские каникулы, когда другие его коллеги проводили время в семье, а Селина уехала к бабушке и дедушке в Португалию, изучал документы. Почти сразу Поль понял, что дело это не имеет никакого отношения к полиции нравов. То, *как* пытали жертву, повреждения лица не вязались с мстью сутенера. Кроме того, если бы убитая действительно была проституткой, ее отпечатки нашлись бы в картотеке 10-го округа.

Он решил внимательно отслеживать события в квартале Страсбург-Сен-Дени. Долго ему ждать не пришлось. 10 января 2002 года во дворе турецкой мастерской на улице Фобур-Сен-Дени было найдено второе тело. Тот же тип – рыжая женщина. Об исчезновении никто не заявлял, следы пыток на теле, обезображенное лицо.

Поль всеми силами пытался сохранять спокойствие, но он был уверен, что получил-таки своего «серийного» убийцу, и кинулся к судье Тьери Бомарзо, чтобы узнать подробности. Увы, след давно остыл. Место преступления затоптали, эксперты ничего не нашли.

Интуитивно Поль понимал, что должен подстеречь убийцу на его территории, внедриться в турецкий квартал.

Он перевелся в 10-й округ, рядовым следователем на улицу Де-Нанси и, вспомнив молодость, принимал заявления от ограбленных вдов, обворованных бакалейщиков и завистливых соседей.

Так прошел февраль. Поль сдерживал нетерпение, страшась и одновременно надеясь получить новый труп. Бывали дни, когда его охватывало лихорадочное возбуждение, но время от времени он впадал в такую депрессию, что приходилось отправляться за вдохновением в Валь-де-Марн, где в общей могиле похоронили двух несчастных, которых так никто и не опознал. Там, стоя перед каменными столбиками с выбитыми вместо имен номерами, он клялся отомстить за женщин, найти безумную сволочь, запытавшую их до смерти. А еще он давал обещание Селине. Да: он поймает убийцу. Для нее. И для себя. Чтобы весь мир узнал, какой он великий сыщик.

Шестнадцатого марта 2002 года, на рассвете, был обнаружен новый труп.

Жандармы вызвали его в 5 утра. Тело нашли мусорщики в канаве рядом с больницей Сен-Лазар (кирпичное здание на задах бульвара Мажента давно пустовало). Поль приказал, чтобы час никого не пускали, схватил куртку и полетел на место преступления. Там не оказалось ни агентов, ни полицейских машин с мигалками. Ничто не отвлекало его от осмотра.

Настоящее чудо.

Он попытается отыскать след убийцы, вынюхать его запах, его присутствие, его безумие... Поля ждало новое разочарование. Он надеялся найти материальные свидетельства, нечто особенное, «подпись» убийцы, а увидел просто труп, брошенный в бетонном желобе. Бескровное тело со следами страшных пыток и обезображенным лицом под гривой волос цвета желтого воска.

Поль понимал, что очутился в ловушке, что помощи он не дожидается – ни от мертвых, ни от квартала.

Он уехал – побежденный, отчаявшийся, – решив не дожидаться полицейского фургона, и отправился на улицу Сен-Дени – наблюдать за пробуждением Маленькой Турции. Торговцы открывали лавки, рабочие торопились в мастерские, тысяча и один турок шли навстречу своей судьбе... Как по наитию, пришла уверенность: убийца прячется именно здесь, в эти непроходимые джунгли он вернулся в поисках убежища.

В одиночестве у Поля не было ни малейшего шанса отыскать зверя.

Ему требовался проводник. Разведчик.

В штатском Жан-Луи Шиффер выглядел лучше.

Он облачился в охотничью куртку «Барбур» оливкового цвета, вельветовые брюки чуть более светлого зеленого цвета и тяжелые ботинки в стиле «Чёрч», блестящие, как коричневые каштаны.

Одежда придавала ему некоторую элегантность, не скрывая мощной фигуры. Все в этом коренастом, широкогрудом и кривоногом человеке дышало силой, уверенностью и жестокостью. Такому полицейскому ничего не стоит выдержать отдачу табельного «манурена» 38-го калибра.

Словно бы прочитав его мысли, Цифер поднял руки.

– Можешь обыскать меня, малыш. Пушки нет.

– Очень на это надеюсь, – бросил в ответ Поль. – Здесь только один действующий полицейский, не забывайте об этом. И я вам не «малыш».

Шиффер по-клоунски щелкнул каблуками. Поль не улыбнулся в ответ. Он открыл старому сыщику дверцу, сел за руль и рванул с места, отбросив сомнения.

За всю дорогу Шиффер не произнес ни слова, он был погружен в изучение фотокопий документов. Поль выучил наизусть каждое слово досье, он знал все, что можно было узнать о неопознанных телах, которые про себя называл Телами.

На подъезде к Парижу Шиффер обрел наконец дар речи:

– Осмотр мест преступления ничего не дал?

– Ничего.

– Эксперты не нашли ни следов, ни отпечатков?

– Ничегошеньки.

– На телах тоже ничего?

– На них в первую очередь. Судебный медик считает, что убийца обрабатывает трупы промышленным моющим средством. Дезинфицирует раны, моет волосы, чистит ногти.

– Что дал опрос людей?

– Я же сказал, что допрашивал рабочих, торговцев, шлюх и мусорщиков вокруг каждого места преступления. Даже бродяг. Никто ничего не видел.

– Твое мнение?

– Думаю, убийца разъезжает на машине и выбрасывает тела при первой же возможности, на рассвете. Молниеносная операция.

Шиффер перелистывал страницы. Дойдя до фотографий убитых, он спросил:

– У тебя есть какие-нибудь идеи насчет лиц?

У Поля перехватило дыхание – он ночи напролет размышлял об этих ранах.

– Существует несколько возможностей. Первая: убийца просто путает след, потому что жертвы его знали, и их знакомые, если бы таковые нашлись, могли бы на него указать.

– Тогда почему он не расплющил им пальцы и не выбил

зубы?

– Да потому, что они нелегалки и нигде не зарегистрированы.

Цифер кивнул, показывая, что согласен с таким выводом.

– Ладно, а вторая возможность?

– Мотив... скорее психологического характера. Я прочел уйму книг на эту тему. Психологи считают, если убийца разрушает органы опознавания, он знаком со своими жертвами и не может вынести их взгляд. Он уничтожает их человеческий статус, превращая в предметы.

Шиффер снова принялся листать документы.

– Я не слишком верю во все эти «психоштучки». Третья возможность?

– У убийцы вообще проблема с лицами. Что-то в облике этих рыжих женщин пугает его, напоминает о пережитой травме. Он должен не только убить их, но обязательно изуродовать. Я считаю, что эти три женщины похожи между собой. Их лица стали спусковым механизмом его срывов.

– Еще туманнее.

– Вы не видели трупов! – Поль невольно повысил голос. – Мы имеем дело с больным человеком. С психопатом чистой воды. Мы должны понять диапазон его безумия.

– А это что?

Он открыл последний конверт с фотографиями античных скульптур. Головы, маски, бюсты. Поль самолично вырезал эти картинки из музейных каталогов, туристических гидов

и журналов «Археология» и «Вестник Лувра».

– Это моя идея, – пояснил Поль. – Я обратил внимание, что порезы на лице напоминают трещины и выемки в камне. Кроме того, отсеченные носы, отрезанные губы и спиленные кости похожи на повреждения, которые время наносит памятникам. Я сказал себе, что убийца, возможно, вдохновляется античными статуями.

– Ладно, давай посмотрим.

Поль почувствовал, что краснеет. Его идея была притянута за уши: он, несмотря на тщательный поиск, не нашел ничего, даже отдаленно похожего на увечья, нанесенные Телам. Тем не менее он выдохнул:

– Возможно, эти женщины для убийцы – богини, которых он почитает и ненавидит одновременно. Я уверен, что он турок и по уши завяз в средиземноморской мифологии.

– У тебя слишком богатое воображение.

– Вы сами никогда не шли за интуицией?

– Я только интуицией всегда и руководствовался. Но, знаешь, все эти «психо»-истории слишком уж субъективны. Правильнее будет сконцентрироваться на технических проблемах нашего парня.

Поль взглядом дал понять, что нуждается в разъяснениях, и Шиффер продолжил:

– Нам нужно понять, как он действует. Если ты прав, если эти женщины действительно нелегалки, значит, они мусульманки. И не стамбульские красотки на высоких каблу-

ках. Крестьянки, дикарки, которые ни слова не говорят по-французски и ходят по стеночке. Чтобы приручить таких, их нужно знать. И говорить по-турецки. Наш убийца, возможно, хозяин мастерской. Торговец. Комендант общежития. Так, теперь о распорядке дня. Эти работницы почти все время проводят под землей, в подвалах, где обустроены подпольные мастерские. Убийца вылавливает их, когда они выходят на белый свет. Когда? Как? Почему эти шарахающиеся от собственной тени женщины соглашаются пойти с ним? Ответив на эти вопросы, мы возьмем его след.

Поль был согласен с Шиффером, но все эти вопросы свидетельствовали лишь о том, как мало они знают. Предположения можно строить какие угодно. Шиффер задал ему следующий вопрос:

– Полагаю, ты проверил все подобные убийства.

– Я сверился с новой картотекой Шардона. И с базой данных жандармов. Говорил со всеми парнями в уголовном розыске. Во Франции никогда не случалось ничего, даже отдаленно напоминающего подобное безумие. Я искал в турецкой диаспоре в Германии – ноль.

– А в Турции?

– Аналогично.

Шиффер зашел с другого конца. Он явно хотел учесть все возможности.

– Ты увеличил количество патрульных в квартале?

– Договорился с Монестье, шефом Луи-Блан. Мы усили-

лись, но скрытно. Не хватает только посеять панику в этой зоне.

Шиффер расхохотался.

– Не будь наивным, дружок! Все турки давно в курсе.

Поль проглотил обиду.

– Ну, во всяком случае, нам пока удастся сбивать со следа журналистов. Для меня это единственная возможность продолжать расследование в одиночку. Если вокруг дела поднимется шум, Бомарзо пустит по следу других ищек. Пока что это турецкая история, и всем на нее насрать. Никто не дышит мне в затылок.

– Почему такое дело ведет не уголовный розыск?

– Я держу с ними связь. Бомарзо мне доверяет.

– И ты не попросил у него людей?

– Нет.

– Не собрал группу для расследования?

– Нет.

Цифер издал глумливый смешок.

– Хочешь взять его сам, да?

Поль не стал отвечать. Шиффер щелчком убрал пушинку с брючины.

– Плевать на твои мотивы. Да и на мои тоже. Мы его сделаем, уж поверь мне.

На окружном бульваре Поль поехал на восток, в направлении Отейя.

– Мы не едем в Ране? – удивился Шиффер.

– Тело в Гарше. В больнице Раймон-Пуанкаре. Там есть институт судебной медицины, который занимается вскрытиями для Версальских судов и...

– Я знаю. Почему там?

– Мера предосторожности. Чтобы сбить со следа журналистов или профайлеров-любителей, которые вечно таскаются по парижским моргам.

Казалось, что Шиффер перестал слушать. Он заворуженно разглядывал поток машин на дороге и то и дело прищуривался, словно заново привыкая к свету. Сейчас он больше всего походил на условно освобожденного заключенного.

Полчаса спустя Поль проехал по мосту Сюрен, поднялся вверх по бульвару Селье и бульвару Республики. Миновав Сен-Клу, они добрались до Гарша.

На вершине холма показалась больница. На шести гектарах стояли корпуса, операционные блоки и белые палаты; настоящий город, населенный врачами, медсестрами и тысячами пациентов, – почти все здесь были жертвами дорожно-транспортных происшествий.

Поль поехал к корпусу Везалья³. Стоявшее высоко в небе солнце освещало фасады построенных из кирпича зданий. Стены были красные, розовые, кремовые, словно искусный гончар обжигал каждую в печи.

По аллеям шли посетители с цветами и сладостями в коробках. Походка у людей была напряженно-жесткой, словно все они страдали *rigor mortis* – трупным окоченением, – царившим в этой обители боли.

Они вошли во внутренний двор корпуса. Серо-розовое здание с тонкими колоннами под свесом кровли напоминало то ли санаторий, то ли водолечебницу с таинственными источниками.

Зайдя в морг, они пошли по белому фаянсовому коридору. Увидев комнату ожидания, Шиффер спросил:

– Куда это мы попали?

Поль был рад удивить его хоть такой малостью.

Несколько лет назад Институт судебной медицины Гарша был отремонтирован весьма оригинальным образом. Первая комната – пол, стены, потолок – была целиком выкрашена в бирюзовый цвет. Посетитель погружался здесь в чистое море живительной прозрачности.

– Здешние врачи пригласили современного художника, – пояснил Поль. – Мы уже не в больнице. Мы в произведении

---

³ Везаль Андре (1514 или 1515–1564) – фламандский врач, практиковал в Италии и Испании, пользовал Карла V. Был обвинен инквизицией в ереси за препарирование трупов. Отправлен Филиппом II в паломничество в Иерусалим. Погиб на обратном пути домой.

искусства.

Появившийся санитар кивнул на одну из дверей по правой стене.

– Доктор Скарбон присоединится к вам в ритуальном зале.

Они пошли следом за ним мимо других комнат. Синих, пустых, с люминесцентными лампами на верху стен у самого потолка. В коридоре по ранжиру стояли мраморные вазы пастельных тонов: розовые, персиковые, желтые, цвета небеленого полотна, белые... Повсюду в интерьере дизайнер попытался выразить свое странное стремление к чистоте.

При виде последнего помещения Шиффер присвистнул от восхищения.

В прямоугольном зале в сто квадратных метров царил голубой цвет. Слева от входной двери находились три высоких окна, через которые проникал дневной свет. В противоположной стене были устроены три ниши, как в греческой церкви. Внутри каждой, словно вырастая из пола, стоял синий мраморный куб.

На одном из них, прикрытое простыней, лежало тело.

Шиффер подошел к стоявшей в центре зала белой мраморной чаше. Тяжелая полированная емкость, наполненная водой, походила на античную кропильницу. От пузырившейся воды исходил аромат эвкалипта – он должен был перебивать запах мертвой плоти и формалина.

Полицейский обмакнул пальцы в воду.

– Все это меня не молодит.

В этот момент они услышали шаги доктора Клода Скарбона. Шиффер обернулся. Взгляды врача и бывшего полицейского встретились, и Поль мгновенно понял, что они знакомы. Он звонил врачу из дома престарелых, но ничего не сказал ему о новом партнере.

– Спасибо, что пришли, доктор, – поздоровался он.

Скарбон коротко кивнул, не отводя взгляда от лица Шиффера. Он был в темном шерстяном пальто и держал в руке тонкие лайковые перчатки. Скарбон был стар, очень худ и постоянно моргал – так, словно очки на кончике носа были для него совершенно бесполезны. Густые галльские усы делали его голос похожим на голоса актеров из довоенных фильмов.

Поль сказал, кивнув на своего спутника:

– Разрешите вам представить...

– Мы знакомы, – перебил его Шиффер. – Привет, доктор.

Не отвечая, Скарбон снял пальто, надел висевший в одной из ниш халат, потом натянул тонкие резиновые перчатки – бледно-зеленый цвет одежды прекрасно гармонировал с синим цветом комнаты.

Наконец он отдернул простыню. Запах разлагающейся плоти мгновенно заполнил все пространство зала.

Поль невольно отвел глаза. Когда мужество вернулось к нему, он взглянул на секционный стол и увидел тяжелое, белое, наполовину скрытое простыней тело.

Шиффер стоял в проеме ниши, надевая хирургические перчатки. На его лице не было и тени замешательства. На стене за его спиной висели деревянный крест, два черных кованых канделябра. Он пробормотал бесцветным голосом:

– Ладно, доктор, можете начинать.

– Жертва – женщина балкано-кавказской расы. Мышечный тонус позволяет предположить, что ей было от двадцати до тридцати лет. Полноватая, семьдесят килограммов при росте в метр шестьдесят. У нее была очень белая, характерная для рыжеволосых людей кожа, так что ее физический тип полностью совпадает с типом первых двух жертв. Наш убийца любит именно таких – лет тридцать, рыжие, пухленькие.

Скарбон произносил слова монотонно, словно читал текст отчета, стоившего ему бессонной ночи. Шиффер спросил:

– Ничего особенного?

– Что вы имеете в виду?

– Татуировки. Проколотые уши. След от обручального кольца. Следы, которые убийца мог не заметить.

– Нет.

Цифер схватил левую руку трупа и повернул ладонью к себе. Поль вздрогнул: он никогда не осмелился бы на подобный жест.

– Никаких следов хны?

– Нет.

– Нерто сказал мне, что состояние пальцев выдает в ней портниху. Что вы об этом думаете?

Скарбон кивнул, соглашаясь.

– Все эти женщины долго занимались ручным трудом, это

совершенно очевидно.

– Вы согласны насчет шитья?

– Трудно сказать точно. На подушечках – следы уколов, между большим и указательным пальцами – мозоли. Возможно, от утюга или швейной машинки. – Он поднял глаза. – Их нашли недалеко от квартала Сантье, так ведь?

– И что же?

– Это работницы-турчанки.

Шиффер никак не отреагировал на утверждение врача. Он продолжал осматривать тело, и Поль, сам того не желая, подошел ближе. Он увидел на боках, груди, плечах и бедрах черные рвано-резанные раны: некоторые были такими глубокими, что виднелись кости.

– Расскажите нам вот об этом, – приказал Шиффер.

Врач подвинул к себе блокнот.

– На теле этой жертвы я насчитал двадцать семь порезов, поверхностных и глубоких. Можно утверждать, что пытки становились все более жестокими, – как и в случае с первыми двумя жертвами. Вывод: трех женщин пытал один и тот же человек.

– Каким орудием?

– Боевым ножом из хромированной стали с дополнительным лезвием-пилой. Стандартный армейский нож, описание соответствует десятку моделей. На нескольких ранах четко видны следы зубцов.

Счетовод склонился над ранами на груди жертвы – чер-

ные кружки походили на укусы или следы прижиганий. Когда Поль увидел эти отметины на теле первой жертвы, в голову ему пришла мысль о дьяволе, решившем полакомиться невинным человеческим телом.

– А это? – спросил Шиффер, указав пальцем на отметины на теле. – Укусы?

– На первый взгляд – ожоги. Но я нашел рациональное объяснение. Думаю, убийца использует автомобильный аккумулятор как электрошокер. Точнее, он пропускает ток через разводной ключ – на губах отметины от этого инструмента. Рискну предположить, что он обливает жертвы водой, чтобы боль от ударов током была сильнее. Отсюда черные следы. У последней на теле таких отметин около двадцати. – Он махнул свернутым в трубку отчетом. – Все здесь.

Шиффер подошел к секционному столу на уровне ног трупа – сине-черных, согнутых под немыслимым углом.

– А здесь?

Скарбон подошел к телу и встал с другой стороны – сейчас они напоминали двух топографов, изучающих карту местности.

– На рентгеновских снимках четко видно, что хрящи, плюсны и фаланги искорежены, раздавлены. Я насчитал семьдесят осколков костей, вонзившихся в мягкие ткани. Никакое падение не могло привести к подобным повреждениям. Убийца бил каким-то тупым предметом. Железной трубой или бейсбольной битой. Двух других женщин пытали

так же. Я справлялся: подобная техника используется в Турции. Фелака или фелика – я не уверен.

Шиффер произнес с гортанным акцентом:

– Аль-Фалака.

Поль вспомнил, что Цифер бегло говорит на турецком и арабском.

– Я могу с ходу назвать вам десяток стран, где практикуется эта пытка.

Скарбон сдвинул очки на кончик носа.

– Да, конечно. Ладно, экзотики нам и впрямь хватает.

Шиффер переместился к животу жертвы, схватил одну из мертвых рук. Поль заметил черные распухшие пальцы. Патологоанатом начал давать пояснения:

– Ногти вырвали клещами. Подушечки сожгли кислотой.

– Какой именно?

– Это установить невозможно.

– Мог убийца сделать это после смерти жертвы, чтобы уничтожить отпечатки пальцев?

– Если и так, то цели своей он не добился. Узоры на пальцах просматриваются очень четко. Нет, тут скорее еще одна пытка. Убийца хотел использовать все возможности.

Цифер положил руку на место. Теперь все его внимание было сконцентрировано на зияющем влагище. Врач тоже смотрел на рану. Теперь они напоминали не топографов, а мясников.

– Ее изнасиловали?

– Не в сексуальном смысле этого слова.

В первый раз за этот день Скарбон, казалось, заколебался. Поль опустил глаза и увидел изуродованное женское влагалище. Внешние части – большие губы, малые губы, клитор – были вывернуты наизнанку, словно кто-то решил насильственно изменить анатомическое строение тела. Врач откашлялся и начал объяснять:

– Он загнал ей внутрь какой-то похожий на дубинку предмет, утыканный бритвенными лезвиями. Вы видите, как изрезаны вульва и внутренняя часть бедер. Настоящая резня. Клитор отрезан. Как и половые губы. В этом причина столь сильного внутреннего кровотечения. У первой жертвы точно такие же раны. У второй...

Он снова замолчал, не в силах продолжать. Шиффер поймал его взгляд.

– Так что там у второй?

– Там все было иначе. Думаю, он использовал что-то... живое.

– Живое?

– Какого-то грызуна. Внутренние органы покрыты укусами и разорваны до самой матки. Кажется, подобные пытки весьма распространены в Латинской Америке...

Полю казалось, что голова его стиснута тугим обручем. Он знал все эти детали, каждая жестоко ранила его, от любого слова к горлу подкатывала тошнота. Он отступил к чаше с ароматизированной водой, машинально обмакнул пальцы в

сосуд и тут же вспомнил, что его спутник несколькими минутами раньше поступил так же. Он поспешно отдернул руку.

– Продолжайте, – хриплым голосом приказал Шиффер.

Скарбон ответил не сразу, и в бирюзовой комнате повисла тишина. Все трое понимали, что оттягивать дальше нельзя: им придется перейти к осмотру лица.

– Это самое сложное, – начал наконец патологоанатом, очертив указательными пальцами рамку вокруг обезображенного лица. – Было несколько этапов насилия.

– Объясните.

– Во-первых, ушибы. Лицо представляет собой одну большую гематому. Убийца бил долго и свирепо. Возможно, надев кастет. В любом случае что-то металлическое – и это был не кусок трубы и не молоток. Дальше – порезы и рваные раны. Они практически не кровоточили, следовательно, их нанесли *post mortem*.

Они подошли совсем близко к маске воплощенного ужаса и могли разглядеть глубокие раны не на фотографиях, а «вживе». Лоб и виски были изрезаны в лохмотья, щеки изрыты ямами, нос сломан, подбородок раздроблен, губы истерзаны...

– Сами видите – он резал, рвал, пилил. Поражает его усердие. Он как артист отделявал свое произведение. Это его стиль, его подпись. Нерто полагает, что убийца пытается копировать...

– Я знаю, что он думает. Сейчас меня интересует ваше мнение.

Скарбон отступил на несколько шагов, заложив руки за спину.

– Этот убийца одержим лицами. Они завораживают и вызывают у него гнев. Он «лепит» их, отделяет, одновременно уничтожая человеческую индивидуальность.

Шиффер пожал плечами, показывая, что не склонен верить этой гипотезе.

– От чего она в конечном итоге умерла?

– Я уже сказал – от внутреннего кровотечения. Вызванного травмами внутренних органов, в основном – генитальных. Думаю, из нее вытекла вся кровь.

– А две другие?

– Первая – тоже от кровотечения. Если только сердце прежде не остановилось. Самым тривиальным образом – от ужаса. Резюмируя, скажу коротко – всех убило страдание. Мы делаем анализ ДНК последней жертвы, проводим токсикологический анализ, но я не думаю, что результат будет иным, чем в первых двух случаях.

Скарбон сухим и, пожалуй, слишком торопливым жестом отдернул простыню. Шиффер подошел ближе и спросил:

– Вы можете восстановить хронологию событий?

– Расписание составлять не возьмусь, но могу предположить, что эту женщину похитили три дня назад, то есть в четверг вечером. Она наверняка выходила с работы.

– Почему?

– Желудок был пуст. Как и у первых двух. Он подкарауливает их по пути домой.

– Давайте обойдемся без предположений.

Эксперт раздраженно продолжил:

– Затем, в течение двадцати – тридцати часов, ее подвергали пыткам.

– Как вы определили срок?

– Она отбивалась, пыталась вырваться. Веревки очень глубоко врезались в тело. Раны начали гноиться. Время можно восстановить именно благодаря нагноениям. Двадцать – тридцать часов – вряд ли я namного ошибся. В любом случае таков порог чувствительности человека.

Шиффер расхаживал по залу, глядя в зеркально-синий пол.

– Вы можете дать нам хоть какую-то зацепку насчет места преступления?

– Возможно.

Поль вмешался в разговор:

– Что именно?

Скарбон издал губами звук, напоминающий щелчок кинохлопушки.

– Я обратил на это внимание и у двух других жертв, но у последней женщины проявления особенно заметны: у нее в крови пузырьки азота.

– И что это означает?

Поль вытащил блокнот.

– Странно. Это может означать, что тело при жизни было подвергнуто воздействию давления более высокого, чем атмосферное. Такого, например, как в морских глубинах.

Врач впервые упомянул это странное обстоятельство.

– Я не ныряльщик, – продолжил он, – но явление это хорошо известно и изучено. По мере того как вы погружаетесь, давление растет. Азот, содержащийся в крови, растворяется. Если подниматься слишком быстро, не соблюдая уровней декомпрессии, азот стремительно возвращается в газообразное состояние, и образуются пузырьки.

Шиффер казался по-настоящему заинтересованным.

– Именно это и произошло с жертвой?

– Со всеми тремя. Пузырьки азота взрывались, продвигаясь по организму, что доставляло этим женщинам дополнительные страдания. На сто процентов я не уверен, но мы, скорее всего, имеем дело с «травмой ныряльщика».

Поль переспросил, делая пометки в блокноте:

– Они погружались – или их погружали – на большую глубину?

– Этого я не говорил. По словам одного нашего интерна, который занимается морскими погружениями, тела испытали воздействие давления как минимум в четыре бара. Такая величина регистрируется на сорокаметровой глубине. Мне кажется несколько проблематичным найти подобную толщу воды в Париже. Думаю, их скорее помещали в камеру высо-

кого давления.

Поль быстро записывал.

– Где применяются подобные камеры?

– Нужно это узнать. Существуют камеры декомпрессии, которые используют профессиональные ныряльщики, но вряд ли такие есть в Иль-де-Франс. Кроме того, в некоторых больницах тоже установлены камеры высокого давления.

– В больницах?

– Да. Их используют для лечения больных с нарушениями кровоснабжения. Диабет, высокий холестерин... Высокое давление позволяет напитать организм кислородом. В Париже существует четыре или пять таких барокамер, но я не думаю, что наш убийца имеет доступ в больницу. Лучше поискать в промышленности.

– В каких отраслях применяется подобная техника?

– Понятия не имею. Ищите – это ваша работа. Повторяю еще раз: я ни в чем не уверен. Возможно, присутствие этих пузырьков объясняется совершенно иными причинами. Если так, я их не знаю.

Шиффер спросил:

– Есть ли на трех трупах нечто, дающее представление о нашем убийце – в физическом смысле?

– Ничего. Он очень тщательно их моет и, в любом случае, «работает в перчатках». Не вступает с ними в сексуальный контакт. Не ласкает. Не целует. Не его стиль. Совсем не его.

Ваш человек – вообще клинический случай. Он как будто запрограммирован. Этот убийца... бесплотен.

– Его безумие возрастает с каждым новым убийством?

– Нет. пытки он применяет в строго определенном порядке. Он одержим злом, но никогда не теряет контроля над собой. – Скарбон криво улыбнулся. – Организованный убийца, как пишут в учебниках по криминалистике.

– Что его, по-вашему, возбуждает?

– Страдание. Страдание в чистом виде. Он мучает их старательно и очень тщательно – до самой смерти. Его возбуждает боль, он питается страданиями жертв. В подоплеке – глубинная, животная ненависть к женщинам. К их телам и лицам.

Шиффер обернулся к Полю, издав злой смешок.

– Мне сегодня решительно везет на психологов.

Лицо Скарбона залилось краской.

– Судебная медицина – это всегда психология. Жестокость, с которой мы имеем дело, есть всего лишь проявление больного мозга...

Полицейский кивнул и, не переставая улыбаться, подхватил отчет о вскрытии, который Скарбон положил на соседний стол.

– Спасибо, доктор.

Когда Шиффер открыл дверь, находившуюся между окнами, в помещение ворвался солнечный свет, похожий на поток молока, хлынувший с небес.

Поль спросил, кивнув на другой экземпляр отчета:

– Я могу его взять?

Врач несколько мгновений молча смотрел ему прямо в глаза, потом поинтересовался:

– Ваши начальники в курсе насчет Шиффера?

Поль изобразил широкую улыбку.

– Не беспокойтесь. Все под контролем.

– Я беспокоюсь за вас. Он – чудовище.

Поль вздрогнул. Патологоанатом «добил» его, произнеся с полной убежденностью:

– Он убил Газиля Гемета.

Имя пробудило воспоминания. Октябрь 2000-го: турок, погибший под поездом, против Шиффера выдвинуто обвинение в убийстве. Апрель 2001-го: прокуратура загадочным образом закрывает дело. Он ответил ледяным тоном:

– Тело было раздавлено. Вскрытие ничего не смогло доказать.

– Я делал повторную экспертизу. Лицо было ужасно изуродовано. Один глаз вырвали из орбиты. На височных костях сохранились следы пыток сверлом. – Он кивнул на прикрытый простыней труп. – Вполне на равных с вашим убийцей.

Ноги у Поля стали ватными. Он не мог позволить себе усомниться в человеке, с которым собирался работать рука об руку.

– В отчете говорилось только о ранах на теле и...

– Они убрали из документа мои комментарии. Они его покрывают.

– Кто эти «они»?

– Они боятся. Все они боятся.

Поль шагнул назад, в яркую белизну коридора. Клод Скарбон выдохнул, снимая резиновые перчатки:

– Вы заключили союз с дьяволом.

– Они называют это Искеле. Ис-ке-ле.

– Что?

– Можно перевести как «пристань» или «платформа отправления».

– О чем вы говорите?

Поль присоединился к Шифферу в машине, но с места не трогался. Они находились во дворе корпуса Везаля, в тени тонких колонн. Цифер продолжил:

– О главной мафиозной организации, контролирующей доставку турецких нелегалов в Европу. Они находят им работу и жилье. Устраивают так, чтобы в каждой подпольной мастерской работали люди из одних мест, – в некоторых заведениях в Париже горбятся только односельчане из азиатской глуши.

Шиффер замолчал, побарабанил по дверце ящика для перчаток, потом продолжил:

– Цены у них разные. Самые богатые могут заплатить за билет на самолет и дать взятку таможеннику. Они десантируются во Франции с липовым разрешением на работу или с фальшивым паспортом. Самые бедные плывут в трюме грузового корабля через Грецию или едут в кузове грузовика через Болгарию. Но рассчитывать в любом случае нужно тысяч на двести как минимум. Семья на родине в деревне скла-

дывается и собирает около трети суммы. А нелегал десять лет выплачивает остальное.

Поль смотрел на чеканный профиль Шиффера на залитом солнцем стекле. Ему десятки раз говорили об этих сетях, но он впервые услышал столь точное и подробное описание.

Полицейский с серебристо-седым ежиком волос снова заговорил:

– Ты и представить себе не можешь, как хорошо организованы эти ребята. У них все задокументировано: имя, место рождения и работы, состояние долга каждого нелегала. По электронной почте они общаются с компаньонами в Турции, которые оказывают давление на семьи, а сами ведут все дела в Париже. Заменяют собой почту, банки, посольства. Хочешь послать игрушку одному из детей? Обратись в Искеле. Ищешь гинеколога? Искеле даст тебе адрес врача, который закроет глаза на твой статус во Франции. У тебя проблемы в мастерской? Искеле поможет разрешить спор. Они знают обо всем, что происходит в турецком квартале, хотя специально их никто не информирует.

Поль наконец понял, куда клонит Шиффер.

– Думаете, они в курсе убийств?

– Если эти девушки действительно были нелегалками, их хозяева проинформировали Искеле. Во-первых, им нужно было узнать, что происходит. Во-вторых, заменить исчезнувших. Убитые женщины – это потерянные деньги.

Поль спросил с надеждой:

– Вы... Вы думаете, они могут идентифицировать этих работников?

– В каждом досье есть фотография. Адрес в Париже. Имя и координаты нанимателя.

Заранее зная ответ, Поль все-таки задал вопрос:

– Вы знаете этих людей?

– Главу Искеле в Париже зовут Марек Чезиуш. Все называют его Мариус. У него концертный зал на Страсбургском бульваре. При мне родился один из его сыновей.

Он подмигнул.

– Так мы едем или нет?

Поль несколько мгновений смотрел на Жан-Луи Шиффера. *Вы взяли в команду дьявола.* Возможно, Скарбон был прав, но мог ли он пожелать лучшего партнера, охотясь на ту дичь, которую пытается затравить?

Часть III

14

В понедельник утром Анна Геймз незаметно покинула свою квартиру, села в такси и поехала на Левый берег. Она помнила, что многие магазины медицинской книги находятся на перекрестке близ Одеона.

В одной из книжных лавок она долго рылась на полках в поисках информации о биопсии мозга. Слова Акерманна звучали у нее в голове: «стереотоксическая биопсия». Ей не стоило никакого труда обнаружить фотографии и детальное описание методики проведения операции.

Она увидела обритые головы пациентов, заключенные в металлическую арматуру наподобие клетки или куба, привинченного к вискам. В верхней части снимка фигурировало стальное зубило.

Анна проследила по снимкам все этапы операции. Сверло, протыкающее кость; скальпель, проникающий в отверстие и рассекающий твердую мозговую оболочку – мембрану, окружающую серое вещество; полая игла, погружающаяся в мозговое вещество. На одном из снимков можно было даже разглядеть розоватый цвет органа – фотограф поймал его в тот момент, когда хирург извлекал зонд.

Все что угодно, кроме этого.

Анна приняла решение: она будет искать другого врача, который поставит ей другой диагноз и предложит альтернативное лечение.

Она ринулась в пивную на бульваре Сен-Жермен, сбежала по лестнице в подвал, нырнула в телефонную кабину и начала листать телефонный справочник. После нескольких неудач – кто-то из врачей отсутствовал, другие были загружены под завязку – она наконец попала на Матильду Вилькоро, психиатра и психоаналитика.

Низкий голос звучал легко, почти насмешливо. Анна, не вдаваясь в детали, сказала, что у нее «проблемы с памятью», и попросила о срочной встрече. Врач согласилась немедленно принять ее. Кабинет рядом с Пантеоном, в пяти минутах от Одеона.

Анна сидела в маленькой приемной, обставленной старинной резной мебелью, – казалось, что ее вывезли прямо из Версальского дворца. Она разглядывала украшавшие стены фотографии в рамках: на каждом снимке был запечатлен спортивный подвиг в экстремальном виде спорта.

На первой фотографии человек летел на парашюте с горного склона; на следующем альпинист взбирался по отвесной ледяной стене; на третьей стрелок в лыжном комбинезоне и маске смотрел через оптический прицел винтовки на невидимую цель.

– Мои подвиги стареющей дамы.

Анна обернулась на голос.

Матильда Вилькро оказалась высокой женщиной с широкими плечами и сияющей улыбкой. Ее руки выглядели из рукавов пиджака каким-то странным, почти нелепым образом. Длинные стройные ноги казались очень сильными. «Между сорока и пятьюдесятью», – определила Анна, заметив тяжелые веки и стрелки морщин вокруг глаз. Впрочем, при мысли об этой атлетически сложенной женщине думалось не о возрасте, а о силе, не о годах, но о килоджоулях.

Психиатр посторонилась, приглашая Анну войти:

– Прошу вас, сюда.

Кабинет был обставлен в том же стиле, что и приемная: дерево, мрамор, золото. Анна интуитивно догадывалась, что истинная сущность этой женщины выражена не в дорогом декоре, а в запечатленных на фотографиях спортивных достижениях.

Они сели по разные стороны письменного стола огненного цвета. Врач взяла перьевую ручку и записала на верхнем листке бумажного блока обычные сведения о пациенте: имя, возраст, адрес... У Анны появилось искушение дать ложные сведения, но она поклялась себе играть честно.

Отвечая, она наблюдала за собеседницей. Ее поразила теплая, по-американски открытая манера поведения психиатра. Блестящие темно-каштановые волосы падали на плечи, широкие черты лица были правильными, очень красные чувственные губы притягивали взгляд. Анне мгновенно пришло

в голову сравнение с фруктовым пюре – этакий глоток сахара и энергии. Эта женщина сразу внушила ей доверие.

– Так что у вас за проблема? – спросила она веселым тоном.

Анна постаралась ответить лаконично:

– Я страдаю провалами в памяти.

– Провалами какого типа?

– Я перестала узнавать знакомые лица.

– Все знакомые лица?

– Особенно лицо мужа.

– Прошу вас, уточните: вы его теперь совсем не узнаете? Никогда?

– Нет. Провалы длятся очень недолго. В какой-то момент его лицо не вызывает у меня в памяти никакого отклика. Чистой воды незнакомец. Потом в голове раздается щелчок. До сегодняшнего дня «черные дыры» существовали в моем мозгу не дольше секунды. Но мне кажется, они длятся все дольше и дольше.

Матильда стремительно записывала черной блестящей ручкой «Монблан». Анна заметила, что она тихонько сняла под столом туфли.

– Это все?

Анна колебалась:

– Иногда со мной происходит нечто прямо противоположное...

– Противоположное?

– Мне чудится, что я узнаю лица незнакомых людей.

– Приведите пример.

– Это случается с одним человеком. Я уже месяц работаю в «Доме Шоколада» на улице Фобур-Сент-Оноре. У нас есть постоянный клиент. Мужчина лет сорока. Каждый раз, когда он входит в магазин, у меня появляется чувство узнавания, но я еще ни разу не сумела точно вспомнить.

– А что говорит он?

– Ничего. Совершенно ясно, что он никогда не видел меня нигде, кроме как за прилавком.

Психиатр шевелила большими пальцами ног. Во всей ее повадке было что-то хулиганское, она просто искрилась весельем.

– Итак, подведем итог: вы не узнаете людей, которых должны были бы узнавать, но узнаете тех, кого не знаете, правильно?

У Матильды Вилькро была странная манера растягивать последние слоги слов, ее голос напоминал звучание вибрирующей виолончельной струны.

– Пожалуй, что так.

– А вы не пробовали заказать хорошие очки?

Анна пришла в ярость. Краска кинулась ей в лицо. Как можно смеяться над ее болезнью? Она встала, схватила сумку. Матильда Вилькро поспешила остановить ее:

– Извините меня. Это была шутка. Идиотская. Останьтесь, прошу вас.

Анна застыла на месте. Красная улыбка вспыхнула, обволакивая ее ласковым сиянием. Ее сопротивление растаяло, она без сил упала в кресло.

Врач тоже села и задала следующий вопрос:

– Случается вам испытывать тревогу при виде чьих-нибудь лиц? Я спрашиваю о людях, с которыми вы каждый день сталкиваетесь на улице или в общественных местах?

– Да. Но это другое чувство. Я переживаю... своего рода галлюцинации. В автобусе, за ужином, в любом месте. Лица оплывают, сливаются, превращаются в жуткие маски. Я не осмеливаюсь смотреть на людей. Скоро перестану выходить из дома...

– Сколько вам лет?

– Тридцать один год.

– Как давно вы страдаете этими провалами?

– Около полутора месяцев.

– Они сопровождаются физическим недомоганием?

– Нет... Ну, в общем... да. Больше всего меня мучат тоска и тревога. Дрожат руки. Все тело становится тяжелым, как камень. Ноги и руки деревенеют. Иногда я задыхаюсь. Недавно у меня было носовое кровотечение.

– Но в принципе вы здоровы?

– Совершенно. Не на что пожаловаться.

Психиатр замолчала, продолжая делать записи.

– Касаются ли провалы в памяти и событий прошлого?

Анна подумала о «жизни под открытым небом» и ответи-

ла:

– Да. Некоторые мои воспоминания отдаляются и как будто растворяются.

– Какие именно воспоминания? Они связаны с вашим мужем?

Она откинулась на деревянную спинку кресла.

– Почему вы об этом спрашиваете?

– Совершенно очевидно, что именно его лицо чаще всего провоцирует ваши приступы. Ваше общее прошлое тоже может стать проблемной зоной.

Анна вздохнула. Эта женщина расспрашивала ее так, словно считала, что причиной болезни являются ее чувства или подсознание, что она совершенно сознательно уводит свою память в заданном направлении. Это вступало в полное противоречие с тем, что говорил Акерманн. Возможно, именно за этим она сюда и пришла?

– Вы правы, – согласилась она. – Мои общие с Лораном воспоминания бледнеют, даже исчезают. – Она замолчала, но тут же продолжила, заговорив быстрее: – Впрочем, это до некоторой степени логично.

– Почему?

– Лоран находится в центре моей жизни, моей памяти. Большая часть воспоминаний относится тоже к нему. До «Дома Шоколада» я была обычной домохозяйкой. Мой брак был единственной моей заботой.

– Вы никогда не работали?

Анна заговорила едким тоном, словно издеваясь над собой:

– У меня диплом юриста, но я никогда не была в адвокатской конторе. У меня нет детей. Лоран – мое «великое все», если хотите, моя единственная линия горизонта...

– Сколько лет вы женаты?

– Восемь.

– Вы поддерживаете нормальные сексуальные отношения?

– Что вы называете нормальными отношениями?

– Обыденные отношения. Скучные.

Анна не поняла. Улыбка Матильды стала шире.

– Снова шутка. Я просто хочу знать, насколько регулярны ваши отношения.

– Тут все в порядке. Больше того – я сейчас... хочу его гораздо сильнее. Мое желание с каждым днем возрастает, становится все более страстным. Это так странно.

– Возможно, не так уж и странно.

– Что вы хотите сказать?

Доктор не стала отвечать.

– Чем занимается ваш муж?

– Он полицейский.

– Простите, не поняла...

– Чиновник, занимающий высокий пост в Министерстве внутренних дел. Лоран анализирует тысячи статистических отчетов и справок, касающихся состояния преступности во

Франции. Я никогда точно не понимала, в чем заключается его работа, но выглядит она устрашающе значительной. Лоран очень близок к министру.

Матильда продолжила задавать вопросы самым естественным тоном:

- Почему у вас нет детей? Какие-то проблемы?
- Во всяком случае, не физиологического характера.
- Так в чем же тогда дело?

Анна колебалась. В памяти всплыло воспоминание о субботней ночи: кошмар, откровения Лорана, кровь на ее лице...

– Честно говоря, я и сама точно не знаю. Два дня назад я задала вопрос мужу. Он ответил, что я никогда не хотела детей. И якобы даже потребовала от него клятвы перед свадьбой. Но сама я об этом ничего не помню. – Ее голос внезапно сорвался на крик. – Как я могла забыть подобное? – Она произнесла по слогам: – Я-не-пом-ню!

Врач снова что-то записала, потом спросила:

- А ваши детские воспоминания? Они тоже стираются?
- Нет. Они кажутся мне далекими, но вполне реальными.
- Воспоминания о родителях?
- Нет. Я очень рано потеряла семью. Автомобильная авария. Я росла в пансионе, недалеко от Бордо, под опекой дяди. С ним я больше не вижусь – между нами никогда не было особой любви.
- Так что же вы помните?

– Пейзажи. Широкие пляжи в ландшах. Сосновые рощи. Эти виды живут в моих воспоминаниях. Сегодня они кажутся мне реальнее, чем вся остальная жизнь.

Матильда записывала. Анна поняла, что доктор стенографирует. Не поднимая глаз, психиатр продолжила допрос:

– Как вы спите? Страдаете бессонницей?

– Напротив. Я все время сплю.

– Вы чувствуете сонливость, когда пытаетесь что-то вспомнить?

– Да. Своего рода оцепенение.

– Расскажите мне о ваших снах.

– С самого начала болезни я вижу один... странный сон.

– Слушаю вас.

Анна описала мучивший ее сон. Вокзал и крестьян. Человека в черном пальто. Знамя с четырьмя лунами. Детские рыдания. И апогей кошмара – вспоротая грудь человека, лицо, изрезанное в лохмотья...

Психиатр восторженно присвистнула. Анна не была уверена, что одобряет ее фамильярные манеры, но рядом с этой женщиной она чувствовала себя в безопасности. Следующий вопрос Матильды заставил ее застыть:

– Вы ведь консультировались с кем-то еще, я не ошиблась? – Анна вздрогнула. – С невропатологом?

– Я... Почему вы так подумали?

– Симптомы вашей болезни носят скорее клинический характер. Внезапный упадок сил, временная потеря памяти на-

водят на мысль о нейродегенеративной болезни. В подобных случаях пациенты обычно обращаются к невропатологу. К врачу, который ставит точный диагноз и лечит лекарствами.

Анна сдалась.

– Его фамилия Акерманн. Он друг детства моего мужа.

– Эрик Акерманн.

– Вы с ним знакомы?

– Мы вместе учились.

Анна спросила с тревогой в голосе:

– Что вы о нем думаете?

– Блестящий специалист. Какой диагноз он поставил?

– В основном он брал анализы и проводил тесты. Сканировал. Делал рентген. ЯМР.

– А «*Petscan*»?

– И это тоже. В прошлую субботу. Больница кишела солдатами.

– Валь-де-Грас?

– Нет, Институт Анри-Бекереля, в Орсе.

Матильда записала название.

– Какие результаты он получил?

– Ничего определенного. По словам Акерманна, у меня есть нарушения в правом полушарии, в нижней части височной доли...

– В зоне, отвечающей за опознавание лиц.

– Совершенно верно. Он предположил незначительный некроз, хотя машина его не зафиксировала.

– И какова, по его мнению, причина подобного поражения?

Анна заговорила быстрее – признания облегчали ей душу:

– Он ничего точно не знает. Сказал, что хочет провести новые обследования. – Голос у нее сорвался. – Взять биопсию, чтобы изучить эту часть моего мозга. Акерманн сказал, что должен обследовать мои нервные клетки – не знаю, зачем. Я... – Она постаралась успокоиться, выровнять дыхание. – Он заявил, что только после этого сможет назначить лечение.

Врач положила на стол ручку, скрестила на груди руки. Казалось, что она впервые взглянула на Анну без иронии и лукавства.

– Вы рассказали ему о других нарушениях? О бледнеющих воспоминаниях? О лицах, которые оплывают и смешиваются?

– Нет.

– Почему вы ему не доверяете?

Анна не ответила. Матильда настаивала:

– Почему вы решили проконсультироваться со мной?

Анна покачала головой и наконец ответила, прикрыв глаза:

– Я отказываюсь делать биопсию. Они хотят забраться в мой мозг.

– О ком вы говорите?

– О моем муже. Об Акерманне. Я пришла сюда в надежде,

что вы выскажете другое предположение. Я не хочу, чтобы в моей голове проделали дыру!

– Успокойтесь.

Она подняла полные слез глаза.

– Я... Я могу курить?

Психиатр кивнула. Она тоже закурила. Когда дым рассеялся, на ее лицо снова вернулась улыбка.

Внезапно, по необъяснимой причине, к Анне пришло воспоминание детства. Долгая прогулка с классом по ландам, возвращение в пансион с охапкой маков в руках. Им объясняли, что нужно сжечь стебли, чтобы сохранить цвет лепестков...

Улыбка Матильды Вилькро напомнила Анне эту странную связь между огнем и жизнью цветка. Что-то выгорело в душе этой женщины с пунцовым ртом.

Психиатр выдержала паузу, потом спокойно спросила:

– Акерманн объяснил вам, что потеря памяти может быть вызвана психологическим шоком, а не физическим повреждением?

Анна яростно выдохнула дым.

– Вы хотите сказать... Значит, мои провалы в памяти могли быть спровоцированы... психической травмой?

– Такая возможность не исключена. Сильная эмоция могла вызвать торможение, вытеснение из сознания некоторых воспоминаний.

Анну залила волна облегчения. Теперь она знала, что при-

шла сюда именно за этими словами. Она выбрала психоаналитика, потому что подспудно хотела верить в чисто психическое происхождение своей болезни. Она постаралась сдерживать возбуждение.

– Но я вспомню его, этот шок? – спросила она между двумя затяжками.

– Не обязательно. В большинстве случаев амнезия уничтожает свой собственный первоисточник. Изначальное событие.

– Эта травма будет иметь отношение к лицам?

– Возможно. К лицам и к вашему мужу.

Анна вскочила со стула.

– Но при чем тут мой муж?

– Если судить по признакам, которые вы мне описали, лица и ваш муж – две точки блокировки.

– Лоран может оказаться первопричиной моего эмоционального шока?

– Я этого не говорила. Но на мой взгляд все связано. Шок, который вы пережили, – если он имел место! – объединил в единое целое вашу амнезию и вашего мужа. Это все, в чем я могу быть уверена на данный момент.

Анна не произнесла ни слова в ответ. Она застыла, глядя на кончик горящей сигареты.

– Вы можете выиграть немного времени? – спросила Матильда.

– Выиграть время?

– Да, оттянуть биопсию.

– Вы... Вы согласны мною заняться?

Матильда схватила со стола ручку и наставила ее острием на Анну.

– Так вы можете выиграть время?

– Думаю, да. Несколько недель. Но если мои провалы...

– Вы согласны на проникновение в вашу память через слово?

– Да.

– Вы будете приходить сюда каждый день и надолго?

– Да.

– Согласны попробовать суггестивный метод, например гипноз?

– Да.

– Инъекции седативных препаратов?

– Да. Да. Да.

Матильда бросила ручку. Белая звезда «Монблана» сверкнула, отразившись от полированной поверхности.

– Мы расшифруем вашу память, поверьте мне.

Сердце у нее пело.

Она давно не чувствовала себя такой счастливой.

Простое предположение о том, что симптомы ее болезни связаны с психологической травмой, а не с физическими нарушениями, вернуло Анне надежду. Во всяком случае, это позволяло предполагать, что ее мозг не поврежден, что некроз не разъедает, как ржавчина, нервные клетки.

На обратном пути, в такси, она похвалила себя за столь неожиданное решение – забыть о якобы существующем поражении мозга, обо всей этой страшной медицинской аппаратуре и биопсиях. Он раскроет объятия пониманию, словам, вкрадчивому голосу Матильды Вилькро... Ей уже не хватало странного тембра этого голоса.

Когда она добралась до улицы Фобур-Сент-Оноре, было около часа. Все вокруг казалось ей таким живым, таким ясным. Она наслаждалась каждой деталью жизни своего квартала. Вдоль по улице тянулись островки, архипелаги особых магазинчиков.

На пересечении улицы Фобур-Сент-Оноре и авеню Ош царила музыка: с танцовщицами зала Плейель соперничали в блеске рояли, украшавшие витрину находившегося напротив магазина «Гамм». Чуть дальше, между улицей Невы и улицей Дарю, начиналась парижская Россия с ее московски-

ми ресторанами и православным собором. Россию сменял мир пряностей и сладостей: чай в «Братьях Марьяж», лакомства в «Доме Шоколада». Фасады цвета темного красного дерева, полированные зеркала, похожие на дорогие музейные рамы.

Войдя в магазин, Анна застала Клотильду за уборкой полок. Она протирала керамические вазы, деревянные чаши и фарфоровые блюда, чей темно-коричневый, с красноватым оттенком, цвет так хорошо гармонировал с шоколадом, создавая ощущение благополучия и счастья. Уютная, сладкая, теплая жизнь...

Стоявшая на табурете Клотильда обернулась.

– Вот и ты! Отпустишь меня на часок? Мне нужно сходить в «Монопри».

Они понимали друг друга без слов. Анны не было все утро, так что она вполне могла «постоять на вахте» после обеда. Смена состава произошла безмолвно, но с улыбкой. Анна вооружилась тряпкой и принялась за работу. Она стирала пыль, чистила, убиралась с удвоенной энергией человека, к которому вернулось наконец хорошее настроение.

Внезапно силы оставили ее, словно она получила удар под ложечку. За несколько секунд она осознала всю искусственность своей радости. Чем уж так утешило ее утреннее свидание с врачом? Физическое поражение или психологический шок – что это меняет в ее состоянии тревожности? Как ей поможет Матильда Вилькро? И станет ли она от этого менее

сумасшедшей?

Она без сил опустилась на стул за центральным прилавком. Возможно, предположение психиатра гораздо страшнее диагноза Акерманна. Почему-то теперь мысль о происшествии, о психологическом шоке, спровоцировавшем потерю памяти, только усиливала ужас в душе Анны.

Несколько фраз назойливо крутились в голове, особенно один ответ Матильды Вилькро: *«Лица и ваш муж»*. Как Лоран может быть связан со всем этим кошмаром?

– Добрый день.

Голос прозвучал одновременно со звонком колокольчика: ей не нужно было поднимать глаза – она и так знала, что это он.

Человек в потертой куртке медленно подходил к прилавку. В это мгновение она совершенно точно *поняла*, что знает его. Впечатление было мимолетным, но она ощутила свое «знание», как жестокий удар в грудь наконечника стрелы. А память между тем наотрез отказывала ей в помощи.

Господин Бархатный подошел еще ближе. В его повадке не чувствовалось ни малейшего смущения, он не проявлял к Анне какого-то особого внимания. Взгляд его лилово-золотистых глаз рассеянно блуждал по полкам. Почему он ее не узнает? Он что, играет какую-то роль? Безумная идея скользнула по поверхности сознания: а что, если этот человек – друг или сообщник Лорана и ему поручено следить за ней, испытывать ее? Но зачем?

Он улыбнулся и объявил небрежным тоном, не обращая внимания на молчание Анны:

– Пожалуй, я возьму то же, что всегда.

– Конечно, конечно, я немедленно обслужу вас.

Анна пошла к прилавку, чувствуя, как дрожат бессильно висящие вдоль тела руки. Ей понадобилось несколько попыток, чтобы расправить прозрачный шуршащий пакетик и уложить в него конфеты. Наконец она положила шоколад на весы:

– Двести граммов. Десять с половиной евро, пожалуйста.

Анна снова бросила взгляд на мужчину. Она была уже не так уверена... Но отзвук неясной тревоги не покидал ее. Почему-то в голову пришла мысль, что этот человек, как и Лоран, изменил внешность, прибегнув к услугам пластического хирурга. Его лицо было лицом из ее воспоминаний, но оно было другим...

Покупатель снова улыбнулся, одарил ее задумчиво-внимательным взглядом, расплатился и исчез, едва слышно пробормотав «до свиданья».

Анна долго стояла неподвижно, потрясенная, не понимающая. Никогда еще приступ не был таким сильным. Словно все надежды, порожденные утренним свиданием с Матильдой Вилькро, бежали от нее прочь. Как будто, решив, что выздоравливает, она вдруг осознала, что умирает. Так бывает с заключенными, которых за попытку побега сажают в подземный карцер.

Колокольчик у двери снова звякнул.

– Привет.

Вымокшая под дождем Клотильда с пакетами в руках прошла через зал, исчезла в подсобке и тут же появилась снова, принеся с собой ощущение свежести.

– Что с тобой? Можно подумать, ты увидела зомби.

Анна ничего не ответила. Ее тошнило, к глазам подступали слезы.

– Тебе нехорошо? – настаивала Клотильда.

Анна посмотрела на нее, не понимая и не слыша, встала и произнесла:

– Мне нужно пройтись.

Ливень усиливался. Анна нырнула в самую гущу бури, и ветер понес ее вперед, заливая потоками воды. Не в силах преодолеть внутреннее оцепенение, она смотрела на оплывающий под серыми струями Париж. Тучи как волны накатывались на крыши домов, вдоль фасадов бежали ручьи, лепнина балконов и окон напоминала сине-зеленые лица утопленников, поглощенных разгневавшейся стихией.

Она поднялась вверх по улице Фобур-Сент-Оноре, миновала авеню Ош и свернула налево, к парку Монсо. Пройдя вдоль черных с золотом решеток сада, попала на улицу Мурильо.

Мимо нее в плеске воды и проблесках молний неслись машины. Мотоциклисты в капюшонах напоминали маленьких резиновых Зорро. Пешеходы боролись с порывами ветра, намокшая одежда облепляла тела, как простыня, прикрывающая неоконченную скульптуру в мастерской художника.

Все вокруг было залито коричнево-черным, маслянисто-серебряным болезненным светом.

Анна шла по улице Мессины мимо домов со светлыми фасадами и могучих деревьев. Она и сама не знала, куда направляется, но это не имело никакого значения. Она пробиралась по улицам наугад, на ощупь, вслепую, путаясь, как путались и сбивались мысли у нее в голове.

И тут она увидела его.

На противоположной стороне, в витрине, был выставлен живописный портрет. Анна перешла через улицу. Это была репродукция картины. Смазанное, искореженное, разбитое лицо, написанное кричаще яркими красками. Она подошла еще ближе, словно загипнотизированная: лицо в мельчайших деталях воспроизводило ее галлюцинации.

Она поискала фамилию художника. Фрэнсис Бэкон. Автопортрет, датирующийся 1956 годом. Выставка художника проходила на втором этаже этой галереи. Она нашла вход – через несколько дверей справа, на Тегеранской улице – и начала подниматься по лестнице.

Красные драпри, разделявшие анфиладу белых залов, придавали выставке торжественный, почти сакральный характер. Перед картинами толпились посетители. Повсюду царила полная тишина. Ледяное почтение витало в воздухе, казалось, что выставленные картины заполняют собой все пространство помещений.

В первом зале Анна обнаружила двухметровые полотна с одним и тем же сюжетом: священник в красной сутане на троне, разинувший рот в вопле ужаса и боли, словно его поджаривают на электрическом стуле. На одной из картин одеяние было красным, на другой – черным, на третьей – лиловым, но некоторые детали оставались неизменными: руки, вцепившиеся в подлокотники, горели, превращаясь в обугленные обрубки; рот, разверстый в крике и похожий на зия-

ющую рану; языки пламени вокруг трона...

Анна миновала первый занавес.

В следующем зале голые мужчины на картинах Бэкона стояли на четвереньках в лужах разных цветов или были заключены в обычные клетки. Своими гладкими уродливыми телами они почему-то смахивали на диких животных. Этикие зооморфные существа, застрявшие на полпути от одного вида к другому. Их лица напоминали пунцовые кляксы, окровавленные рыла, изуродованные жестокой рукой. На заднем плане изображался интерьер то ли мясной лавки, то ли бойни. Место жертвоприношения, где тела заживо обдирают, низводя их до состояния остова и груды окровавленного мяса. Изображение было слегка смазанным и походило на картинку документального фильма, снятого оператором «с плеча» ручной камерой.

Анна чувствовала себя все хуже, но она пока не находила того, за чем пришла сюда: ликов страдания. Они ждали ее в последнем зале.

Двенадцать полотен небольшого размера, огороженных красным бархатным канатом. Изуродованные, разорванные, разбитые лица: мешанина из губ, носов и костей, через которую безнадежно пытались пробиться к зрителю глаза.

Картины были соединены в триптихи. Первый, названный «Три этюда человеческой головы», датировался 1953 годом. Иссиня-бледные, почти мертвые лица со следами первых ран. Второй триптих выглядел естественным продолже-

нием первого, с той лишь разницей, что изображение переходило на следующую ступень жестокости. «Этюд к трем головам», 1962. Лица были белыми, они словно прятались в первое мгновение от взглядов зрителей, чтобы тут же напугать их жуткими шрамами, выступающими из-под клоунских белил. Anne они напомнили лица несчастных детей, которых в Средние века безвозвратно уродовали, делая из них шутов на потеху публике.

Анна прошла дальше. Она не узнавала своих галлюцинаций. Ее просто окружали маски воплощенного ужаса. Рты, скулы, взгляды вращались вокруг нее, сплетаясь в немыслимые жгуты, выставляя напоказ собственное уродство. Казалось, что художник излил на эти лица всю свою ярость. Он словно кромсал их, открывая раны, срывая корки, разрывая щеки кистями, щетками, шпателем, ножом...

Анна шла, втянув голову в плечи, сгорбившись от страха, и время от времени украдкой бросала взгляд на картины. Серия этюдов, посвященная некоей «Изабель Росторн», была апофеозом жестокости. Черты лица женщины в прямом смысле слова разлетались в клочья. Анна отошла подальше, отчаянно ища человеческое выражение в обезумевшем нагромождении плоти, но видела только разрозненные фрагменты: рты-раны, глаза, вылезающие из окровавленных глазниц.

Внезапно ее охватила паника. Круто развернувшись, она кинулась к выходу. Пробегая по галерее, она заметила на бе-

лом столике каталог выставки и остановилась.

Она должна увидеть – увидеть его собственное лицо.

Анна лихорадочно листала буклет: не задержавшись на фотографиях мастерской художника и его творений, она наконец нашла снимок самого Фрэнсиса Бэкона. Напряженный взгляд художника на черно-белой фотографии блестел ярче глянцевой бумаги.

Анна разгладила ладонями страницы, чтобы лучше рассмотреть фотографию.

Она жадно вглядывалась в широкое, почти лунообразное лицо с крепкими челюстями. Короткий нос, непокорные волосы и крутой лоб дополняли лицо человека, способного каждое утро противостоять заживо ободранному маскам на картинах.

Странная деталь привлекла внимание Анны.

Одна из надбровных дуг на лице художника располагалась намного выше другой, круглый акулий глаз удивленно и хищно смотрел в одну точку. Анна осознала невероятную истину: внешне Фрэнсис Бэкон был похож на изображения на своих полотнах. В его лице было то же безумие, тот же хаос. Неужели асимметрично расположенный глаз навеял художнику эти искореженные видения или же картины в конце концов изменили его внешность?

В любом случае творения художника сливались воедино с его личностью...

Этот простой вывод спровоцировал неожиданное откры-

тие.

Если у страшных лиц на полотнах Бэкона был реальный прототип, то почему в ее собственных галлюцинациях не может быть доли истины? Возможно, ее бред и ночные кошмары основываются на каком-то реально существующем знаке или детали?

Новое подозрение заставило ее застыть от ужаса. А что, если в пучине своего безумия она открыла истину? Что, если Лоран, как и Господин Бархатный, *действительно* изменили внешность?

Она прислонилась к стене и закрыла глаза. Все становилось на свои места. Лоран, по совершенно непонятной причине, воспользовался одним из ее провалов в памяти, чтобы изменить внешность. Он прибег к услугам пластического хирурга, чтобы спрятаться внутри собственного лица. И мсье Бархатный проделал то же самое.

Эти двое были сообщниками. Они вместе совершили нечто ужасное и потому изменили свой облик. Из-за этого-то она и впадает в ступор при виде их лиц.

Она отогнала прочь всю абсурдность своей идеи, чувствуя, что подобралась к истине, какой бы дикой та ни казалась.

Ее рассудок против рассудка других людей.

Она побежала к двери. На стене над лестницей висела картина, которую она не заметила.

Нагромождение шрамов, пытающееся ей улыбнуться.

В конце авеню Мессины Анна заметила кафе-пивную. Она заказала в баре «Перье» и спустилась в подвал – ей нужен был телефонный справочник.

Она уже переживала подобную сцену – утром, на бульваре Сен-Жермен, когда искала телефон психиатра. Может, это какой-то ритуал, повторяемое действие – как при обряде инициации, испытания, которым подвергаешься, чтобы получить доступ к истине...

Анна листала мятые страницы, ища раздел «Пластическая хирургия». Она не смотрела на имена – ее интересовали только адреса. Необходимо было найти врача, живущего где-нибудь поблизости. Ее палец застыл на строчке: «Дидье Лаферьер, улица Буасси-Данглас, 12». Насколько она помнила, эта улица находилась недалеко от площади Мадлен, то есть метрах в пятистах от кафе.

После шести гудков ей ответил мужской голос. Она спросила:

– Доктор Лаферьер?

– Да, это я.

Удача была на ее стороне: даже не пришлось сражаться с коммутатором.

– Я звоню, чтобы договориться о встрече.

– Моя секретарша сегодня отсутствует. Подождите... –

Она услышала звук нажимаемых клавиш компьютера. – Когда вы хотели бы прийти?

Голос звучал странно приглушенно, почти обезличенно. Она ответила:

– Немедленно. У меня неотложное дело.

– Вот как?

– Я вам все объясню. Прошу вас, доктор...

Наступила пауза. Анна почувствовала, что человек на другом конце провода насторожился, у него явно появились сомнения. Потом глухой голос спросил:

– Когда вы сможете быть у меня?

– Через полчаса.

Анна почувствовала, что врач улыбается – ее напор явно забавлял его.

– Я вас жду.

– Я не понимаю. Что конкретно вас интересует?

Дидье Лаферьер был маленьким человечком с бесцветным лицом в обрамлении выющихся седых волос, которые как нельзя лучше соответствовали его глухому голосу. Сдержанный господин с неуловимыми движениями. Анне казалось, что его слова долетают до нее из-за рисовой бумажной ширмы, и поняла, что ей придется убрать эту преграду, если она хочет получить интересующую ее информацию.

– Я еще не определилась, – ответила она. – Сначала я хотела бы все узнать об операциях, позволяющих изменить лицо.

– Насколько серьезно изменить?

– Глобально.

Хирург заговорил тоном эксперта:

– Чтобы произвести серьезные улучшения, необходимо воздействовать на костную структуру. Есть две основные техники. Операции по выравниванию, направленные на смягчение слишком сильно выступающих черт лица, и костные трансплантации – с их помощью мы, напротив, подчеркиваем нужные зоны.

– Что именно вы делаете?

Врач помолчал, размышляя, как лучше «продать» свой товар. В кабинете царил полумрак. Окна были зашторены.

Слабый свет ласкал мебель в азиатском стиле. Обстановка здесь была как в исповедальне.

– При выравнивании, – продолжил рассказывать врач, – мы уменьшаем костные выпуклости, проходя через кожу. При трансплантации сначала делаем забор фрагментов, а затем соединяем с намеченными участками. Иногда используются специальные протезы.

Он изящно взмахнул рукой, и голос его зазвучал мягче:

– Все возможно. Главное, чтобы вы остались довольны результатом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.